

ХАНС ЙОАХИМ ТАЙХЛЕР

Кубертен и Третий рейх

О предыстории неопубликованного письма Кубертена Гитлеру (1937)¹

Постановка проблемы и обзор исследовательской литературы

История Олимпийских игр есть вместе с тем история политических влияний и дипломатической борьбы, о которых в эпоху Кубертена в силу особого характера Международного олимпийского комитета (МОК) общественность поначалу была мало осведомлена. Как следует из воспоминаний Кубертена² и других «олимпийских» историков, речь при этом часто идет о протокольных ухищрениях, возне вокруг орденов и почетных знаков, но также и о жестком политическом давлении, усиливавшемся по мере роста интереса мировой общественности к зрелищу, на которое столь падка публика. В точке пересечения этих противоположных интересов находился МОК — недемократическая мужская коллегия, состоявшая из политиков, баронов и военных, которая с помощью кооптационного принципа тщетно пыталась утвердиться как независимый орган мирового спорта. Организационная структура раннего МОК, предоставлявшая исполнительной власти (читай — Кубертену) большую свободу действий, и сметливость французского аристократа сделали современные Олимпийские игры детищем лично Пьера де Кубертена. После своего ухода с поста президента МОК (1925) — он был назначен его пожизненным почетным президентом — Кубертен влиял на развитие и форму своего детища с осторожностью и сдержанностью. Лишь немецким организаторам XI Олимпийских игр (1936) удалось преодолеть эту сдержанность стареющего Кубертена. Результатом этого стал обмен письмами и телеграммами между Кубертеном и Гитлером. Обнаружение неизвестного письма почетного президента МОК германскому рейхсканцлеру, написанного за несколько месяцев до смер-

¹ Hans Joachim Teichler. Coubertin und das Dritte Reich. In: Sportwissenschaft 12 (1982) 1, 18–35.

² Coubertin P. Olympische Erinnerungen. Berlin 1936, Frankfurt a. M. 1959.

ти (17 марта 1937 года), дает повод проанализировать вопрос о характере и мотивах отношений между нацистским режимом и представителем движения, которому референт рейхсшпортфюрера (главы Имперской службы спорта) еще в 1936 году в своей диссертации ставил в вину, что оно родилось из духа, «породившего тот мир, который национал-социализм преодолел в революционном порыве»³. В 1932 году пропасть между национал-социализмом и олимпийским движением казалась непреодолимой. В журнале *NS-Monatshefte* с Олимпийскими играми воевали из-за их «индивидуалистически-демократической концепции спорта», они клеймились как «искусственное, механическое образование», которое, неся на себе печать презренных «либерализма», «индивидуализма» и «кубертеновской идеи равенства», в конечном счете «политически не может не поощрять большевистской борьбы против белой расы»⁴. Газета *Völkischer Beobachter* и журнал *NS-Monatshefte* критиковали прежде всего участие «несвободных черных»⁵ как «безрассудство и непоследовательность стран белой расы»⁶.

В данной работе мы не будем обрисовывать прагматически-оппортунистический поворот Гитлера к «олимпизму»⁷, но предпримем попытку с помощью анализа обнаруженных документов и писем заполнить пробелы в биографии Кубертена и в истории возникновения Международного олимпийского института (МОИ), тем более что именно последние годы жизни Кубертена и его взаимоотношения с Германией изображаются в литературе крайне противоречиво и далеко не полным образом. При этом необходимо с критической дистанции подвергнуть анализу биографические заметки Дима⁸ (аттестовавшего себя после Олимпийских игр 1936 года как «хранителя планов обновителя олимпийской идеи»⁹) без поспешного осуждения и клеветы в его адрес, как это делается в работе Булоня¹⁰. Дим был участником событий, связанных с меж-

³ Wetzel S. H. *Turnen—Sport—Gymnastik. Zur Theorie der neueren deutschen Leibesübungen*. Phil. Diss. Berlin 1937. S. 168.

⁴ Haller G. *Der Olympische Gedanke*. In: *Nationalsozialistische Monatshefte*. Hrsg. von A. Hitler, 3 (1933) 30, 385–396, 392.

⁵ *Völkischer Beobachter*, 19.8.1932.

⁶ Ср. прим. 4; национал-социалистическая критика Олимпийских игр не щадила и Карла Дима, который был заклеимлен как сторонник «либералистски-демократических взглядов».

⁷ Bernett H. *Sportpolitik im Dritten Reich*. Aus den Akten der Reichskanzlei. Schorndorf 1971. S. 39ff.; Krüger A. *Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA*. Berlin 1972. S. 31ff.

⁸ См.: Diem C. *Olympische Flamme. Das Buch vom Sport*. 3 Bde. Berlin 1942. S. 249–266, в дальнейшем цитаты из этого источника приводятся под аббревиатурой OF; а также Diem C. *Pierre de Coubertin*.—Zur Feier des 50jährigen Bestehens des Internationalen Olympischen Komitees am 17/18. Juni 1944 in Lausanne. In: *Olympische Rundschau*, 7 (1944) 23, 17–30, в дальнейшем цитаты из этого источника приводятся под аббревиатурой OR.

⁹ *NS-Sportschau* (?) 7.2.1939; газетная вырезка CDA, 147/95.

¹⁰ Булонь изображает Дима как «нацистского волка», который «умел прикинуться овечкой». Bouloungne P.-Y. *Pierre de Coubertin. Ein Beitrag zu einer wissenschaftlichen Unter-*

дународной политикой тех лет в области спорта¹¹ и с олимпийским движением¹², а потому в статьях и главах из книг этого «спортивного историка», посвященных Кубертену и олимпийскому движению, ярко отражается дух того времени¹³. Это тем более печально, что Дим после 1933 года играл важную роль посредника, контактировавшего с МОК в Лозанне и с гражданскими спортивными организациями Швейцарии. Нестор немецкого спорта, будучи беспартийным, вызывал в «образцовой стране» демократии, как и в других зарубежных странах, меньшее предубеждение, чем обергруппенфюрер СА фон Чаммер унд Остен, который как рейхсшпортфюрер занимал пост председателя Германского олимпийского комитета (ГОК). В этой связи следует проанализировать также роль в полемике по поводу Олимпийских игр 1936 года почетного президента МОК Кубертена и швейцарских спортивных функционеров, чье влияние на мировую дискуссию о бойкоте до сих пор рассматривалось в исследованиях по истории спорта лишь мимоходом.

1933 год. Встреча в Шаффхаузене

Первая встреча Дима с Кубертенем — после назначения первого генеральным секретарем организационного комитета (ОК) игр XI Олимпиады в Берлине (1936) — отражена в двух отчетах, вышедших из-под пера Дима. Вероятно, он и был инициатором встречи, поскольку в своих «воспоминаниях»¹⁴ Дим упоминает о том, что пригласил Кубертена посетить физкультурный праздник в Штутгарте (1933). Последний, надо сказать, отклонил приглашение, и встреча состоялась на полпути в Штутгарт — в Шаффхаузене. Поводом для встречи был горячее желание Кубертена «связать церемонию открытия с Девятой симфонией Бетховена»¹⁵. Если в опубликованных «воспоминаниях» Дима вопрос о музыкально-художественном оформлении олимпийского праздника находился в центре «дней сердечной дружбы» (Ibid., прим. 13) и Кубер-

suchung seines Lebens und seines Werkes. In: Schulke H. J. (Hrsg.). Die Zukunft der Olympischen Spiele. Die olympische Bewegung zwischen Montreal und Moskau. Köln 1976. S. 80–95. См. S. 94.

¹¹ Начальник иностранного отдела Национал-социалистического имперского гимнастического союза (Nationalsozialistischer Reichsbund für Leibesübungen, NSRL) и комиссар-фюрер гау «Аусланд» («Заграница») NSRL; руководитель многих спортивных и гимнастических демонстрационных групп в 1939–1942 годах.

¹² Генеральный секретарь Олимпийских игр 1916 года (не состоялись) и 1936 года; директор Международного олимпийского института (1938–1945).

¹³ Ср. хотя бы: Diem C. Olympische Flamme. Das Buch vom Sport. 3 Bde. Berlin 1942. S. 14ff; Diem C. Coubertin. Das Lebenswerk des großen Franzosen. In: Sport-Echo. 3.12.1946. В этой работе Дим представляется читателям как Генеральный секретарь XI Олимпийских игр и член МОК (sic!).

¹⁴ Diem C. Ein Leben für den Sport. Erinnerungen aus dem Nachlaß. Ratingen/Kastellaun/Düsseldorf o. J. (1974). S. 161.

¹⁵ Ibid. В другом месте Дим говорит о заключительной церемонии (S. 185).

тен «с восторгом» принял предложения Дима, то в своем конфиденциальном отчете председателю ОК Дим выдвинул на первый план, скорее, отсутствие политических разногласий. По словам Дима, Кубертен приветствовал «перевороты в Германии как знак поворота в мире, который охватит в не слишком далеком будущем все народы» и «хвалил Германию как страну, которая первой в Европе стала рассматривать физическую культуру как всеобщее право граждан и благодаря своей щедрой коммунальной политике последних лет... предоставила каждому возможность заниматься спортом, не принуждая записываться в какое-либо общество. Он надеется, что Олимпийские игры в Берлине станут выдающимся культурным событием»¹⁶. Крюгер, на основе своих архивных разысканий, предполагает, что Дим этим отчетом стремился, с одной стороны, добиться благожелательного отношения членов нацистской партии в президиуме ОК к олимпийской идее, а с другой — подчеркнуть свои заслуги «как посредника между основателем олимпийского движения и берлинскими Играми».

Итак, отношение Кубертена к «новой Германии» оставалось поначалу неизвестным, в особенности потому, что его колебания по поводу поездки в Штутгарт наводят на мысль о некоторой сдержанности — пусть и не столько по отношению к властям предрежащим, сколько к организаторам штутгартского спортивного праздника¹⁷.

1934 год. Обхаживание Кубертена

После распоряжения Гитлера от 5 октября 1933 года о грандиозном расширении олимпийского стадиона, которое превзошло самые смелые мечты немецких олимпийских чиновников, и обещания Геббельса «предоставить весь аппарат его Министерства пропаганды на службу... (олимпийской. — Х. Й. Т.) пропаганде», жребий в Германском рейхе был брошен в пользу показательного проведения Олимпийских игр. С помощью такого «доказательства» миролюбия нового режима руководство рейха собиралось отвлечь внимание иностранных держав от тайной милитаризации страны, одновременно надеясь, что безупречная организация Игр произведет положительное впечатление на мировое общественное мнение¹⁸. Эти цели наталкивались на выжидатель-

¹⁶ См. конфиденциальную записку Дима членам президиума ОК от 10.08.1933. Цит. по: Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA. Berlin 1972. S. 62, 98.

¹⁷ Организация «Германские атлеты» (Deutsche Turnerschaft, DT), члены которой были настроены традиционно антиолимпийски, даже вышла в 1925 году из «Германского имперского комитета по физической культуре» (Deutschen Reichsausschuss für Leibesübungen, DRA) из-за планируемого участия в Олимпийских играх и вызвала возмущение зарубежной общественности своим жестким проведением в жизнь так называемых арийских параграфов 1933 года.

¹⁸ См. отчет фон Чаммера унд Остена о совещании в Министерстве пропаганды в связи

ную позицию национальных олимпийских комитетов (НОК) Великобритании и США, которые ставили свое участие в Олимпиаде в зависимость от точного исполнения обещаний, данных Германией на Венском заседании МОК (7–9 июня 1933 года), не допускать никакой расовой дискриминации и соблюдать олимпийские правила¹⁹. К тому же в демократических странах все сильнее заявляло о себе «Антиолимпийское движение против злоупотребления Олимпийскими играми 1936 года», в котором возникла широкая коалиция демократических, социалистических и еврейских кругов, поддержанная немецкими эмигрантами²⁰. Дипломатическая стратегия ОК в борьбе против этих многообразных препятствий имела своей целью заручиться личной благожелательностью ведущих членов МОК и почетного президента МОК Пьера де Кубертена. Негативное отношение духовного отца олимпийского движения к Играм, проводимым под флагом со свастикой, могла бы вредно повлиять на настроение строителей в преддверии берлинских Игр (например, в разгар дискуссии о бойкоте в США)²¹.

ОК обхаживал Кубертена с самого начала. В передовой статье первого номера [бюллетеня] олимпийской пресс-службы, распространявшегося во всем мире тиражом в 15 000 экземпляров по 7000 адресам (январь 1934 года), Дим прославлял Кубертена в самых возвышенных тонах. К статье был приложен портрет Кубертена с автографом. В том же месяце ОК постановил поддержать инициативу Кубертена «по случаю Игр, согласно с эллинской традицией, побудить выдающихся мужей международной духовной жизни прочитать лекции, посвященные Играм»²². Однако честолюбивые планы ОК собрать в Берлине за счет рейха круг знаменитых ученых и писателей (Левальд попытался привлечь «Маркони»²³ как представителя Италии, Поля Валери²⁴ — Фран-

с предстоящими Олимпийскими играми (16 января 1934 года). BA R 36/2080 [BA — Bundesarchiv Koblenz — Федеральный архив ФРГ в Кобленце. — *Прим. пер.*].

¹⁹ См. отчет о заседании президиума ОК 22 января 1934 года в RMI (Министерстве внутренних дел), пункт 2 (участие зарубежных стран): «Если же Великобритания со своими доминионами, а возможно, и Америка не примут участия в Играх 1936 года, то в результате этого все мероприятие полностью утратит блеск и значение, и преследуемые правительством цели не смогут быть осуществлены» (BA R 18/5609).

²⁰ См.: Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung; и Wetzel H. Der Kampf der Anti-Olympiade-Bewegung gegen den Mißbrauch der Olympischen Spiele 1936. Diss. Potsdam 1965. Оба автора, однако, ставят во главу угла различные моменты: Крюгер в большей мере учитывает еврейско-американскую часть движения бойкота, Ветцель — коммунистически-европейскую.

²¹ О своей попытке убедить Кубертена занять подобную позицию сообщает Риес: Riess C. Einsam vor Millionen Augen. Große Sportler und ihre Schicksale. Gütersloh 1970. S. 22.

²² См. отчет о заседании президиума ОК 22 января 1934 года в RMI, пункт 7; BA R 18/5609.

²³ Итальянский изобретатель (беспроволочного телеграфа) и нобелевский лауреат (25.07.1874–20.07.1937).

²⁴ Французский поэт (20.10.1871–20.07.1945).

ции, физиолога Хилла²⁵ — Англии и президента Колумбийского университета Батлера²⁶ — Америки») реализовать не удалось. Лекция «Роль лошади в истории Азии», прочитанная шведским исследователем Азии Свенном Хедином²⁷, оказалась единственным культурным вкладом зарубежья вне официального Олимпийского художественного конкурса.

Чтобы с помощью личных контактов рассеять сомнения своих зарубежных коллег по поводу проведения Олимпийских игр в стране с расистским режимом, Дим и Левальд уже в 1934 году добились согласия президиума ОК и рейхсминистра внутренних дел — в качестве финансирующих инстанций — на предоставление средств на обширную программу поездок (см. прим. 21). Одна из таких поездок снова свела Дима и Кубертена друг с другом: оба были почетными гостями швейцарского НОК. Швейцарской публике Дим объяснил свое присутствие в Женеве потребностью «перед предстоящим делом... получить благословение как сыну у отца»²⁸. Вот почему он, мол, и «поспешил» к Кубертену. Дим, доложивший о широкомасштабных олимпийских планах рейха, сумел произвести на принимающую сторону хорошее впечатление²⁹. Кубертен, страдавший в старости от недостатка денежных средств и от отсутствия признания в своем отечестве³⁰, некоторое время размышлял о том, не принять ли ему высказанное Димом от имени имперского правительства приглашение на берлинские Олимпийские игры. Если бы он захотел, то мог бы участвовать в Играх как гость имперского правительства или ОК, ему даже был бы предоставлен комфортабельный салон-вагон³¹. Поскольку Кубертен, как будет показано, и впредь поддерживал хорошие дружеские отношения с германскими организациями (прежде всего через посредничество Дима и доктора Крауэля, германского консула в Женеве), было бы нелепо превращать его отказ в индивидуальный бойкот Олимпиады³².

Для Дима и ОК, однако, самовольное приглашение Кубертена не обошлось без последствий. В связи с постановлением «Об олимпий-

²⁵ Английский лауреат Нобелевской премии по медицине Хилл отказался выступить с лекцией в стране, где могут преследоваться его коллеги-евреи. См.: письмо Хилла ОК от 26.11.1935, PA AA [Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes — Политический архив Министерства иностранных дел (Германии)]. — *Прим. nep.*], Voynkott, Bd. 3.

²⁶ Письмо Левальда фон Хасселю (немецкому послу в Риме) от 13.11.1934, PA AA; Rom, KW 20 cl, XI. Olympiade.

²⁷ Diem C. Ein Leben für den Sport. S. 188.

²⁸ Ibid., S. 163.

²⁹ См.: Neue Züricher Zeitung, 24 сентября 1934 года. Цит. по: Diem C. Op. cit. S. 163f.

³⁰ См.: Eyquem M.-T. Pierre de Coubertin. L'épopée olympique. Paris 1966; а также интервью Кубертена французской газете Le Journal, 27.08.1936.

³¹ См.: Diem C. Ein Leben für den Sport. S. 162; Scherer K. A. Der Männerorden. Die Geschichte des Internationalen Olympischen Komitees. Frankfurt 1974. S. 32.

³² Bohlen F. Die XI. Olympischen Spiele Berlin 1936. Instrument der innen- und außenpolitischen Propaganda und Systemsicherung des faschistischen Regimes. Köln 1979. S. 42f.; Eyquem M.-T. Op. cit. S. 280.

ском гимне»³³ в ситуацию вмешался министр внутренних дел. Он был недоволен тем, что при принятии обоих решений его обошли, и распорядился, чтобы впредь «рейхсминистру внутренних дел докладывали обо всех важных вопросах общей подготовки»³⁴. Хотя ОК была представлена известная независимость в общении с зарубежными странами, чтобы не давать дополнительного повода для критики со стороны зарубежной спортивной общественности, тем не менее ОК был обязан «что касается внутригерманской ситуации... по всем существенным вопросам... заручаться санкцией своего манданта (Германского олимпийского комитета под руководством рейхсшпортфюрера)»³⁵. После одобрения ОК этой инструкции по крайней мере три члена МОК, представлявших Германию, поступили вразрез с независимостью, предоставленной им Международным олимпийским комитетом³⁶. Однако дальнейший ход подготовки Олимпиады показывает, что возникший конфликт проистекал не из каких-то серьезных расхождений, а, скорее, из соперничества рейхсшпортфюрера фон Чаммер унд Остена и «старых» спортивных чиновников, которых он терпел из тактических соображений³⁷. Рейхсшпортфюрер, свободно изъяснявшийся на английском и французском языках, в последующие месяцы энергично включился в предолимпийскую челночную дипломатию³⁸, предоставив Левальду и Диму право поддерживать прежние контакты с Кубертенем и Швейцарией.

1935/1936 годы. Мессерли и Кубертен выступают в пользу Берлина

Хотя НОК Швейцарии одним из первых принял решение об участии Швейцарии в Олимпиаде (см. прим. 18), Швейцария не осталась в стороне от ширококомаштабной дискуссии о бойкоте; вопрос об участии, за обсуждением которого внимательно следило германское посольство в Берне, занимал летом 1935 года также политические инстанции. 6 июня 1935 года Национальный совет неожиданно отказал (82 голоса против 57) в предоставлении кредита в 36 000 франков на участие Швейцарии в Олимпийских играх 1936 года. Лишь когда Совет кантонов, в котором социалисты были представлены лишь двумя депутатами, одобрил (33 голосами против 3) предоставление кредитов, Национальный совет отозвал 14 июня 1935 года свое первоначальное решение (87 голосами

³³ См. по данному вопросу: Bernett H. Die Olympische Hymne von 1936. Ein Preisausschreibung und seine Folgen. In: Hecker G. u. a. (Hrsg.). Der Mensch im Sport. Festschrift zum 70. Geb. von Prof. Lieselott Diem. Schorndorf 1976. S. 46–61.

³⁴ См. заметку RMI (рейхсминистра внутренних дел) 15.10.1934; BA R 18/5611.

³⁵ Ibid. (прим. 33).

³⁶ Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. S. 72f.

³⁷ Bernett H. Die innenpolitische Taktik des nationalsozialistischen Reichssportführers. Analysen eines Schlüsseldokuments. In: Stadion 1 (1975). S. 140–178.

³⁸ Steinhöfer D. Hans von Tschammer und Osten. Reichssportführer im Dritten Reich. Berlin 1973. S. 13, 60.

против 58)³⁹. Этим, однако, дискуссия в швейцарской общественности о бойкоте не закончилась. Однозначным подтверждением положительного отношения к проведению Олимпийских игр в Германии должно было стать в этой ситуации обращение Кубертена уже 4 августа 1935 года по немецкому радио⁴⁰, открывшее серию передач Имперского радиовещательного общества, которые транслировались всеми радиостанциями рейха каждое воскресенье как «праздничные передачи»⁴¹.

Доклад начинался комплиментами и изъявлениями благодарности в адрес организаторов и самого Германского рейха⁴² и в очередной раз кратко излагала известные положения кубертеновской концепции неоолимпизма:

- 1) новый олимпизм, подобно прежнему, будет носить черты некоей религии;
- 2) олимпизм — это аристократизм и отбор в сочетании с рыцарственностью;
- 3) идея мира — существенная составная часть олимпизма;
- 4) олимпийский герой — это взрослый мужчина-борец, а роль женщины должна в основном сводиться к увенчанию победителя;
- 5) только благодаря участию духа и искусства в олимпийском празднестве оно может стать праздником весны человечества.

Кубертен завершил свое радиообращение призывом к народам знакомиться друг с другом, чтобы научиться уважать себя. Правда, оно в этом пункте не слишком отличалось от стандартного на тот момент репертуара официальных ораторов в Третьем рейхе. ОК не постеснялся перевести [французские] слова *civilisation* и *democratie*, принадлежавшие духовному пространству, с которым боролся национал-социализм, словами *Weltmenschentum*⁴³ [всемирное человечество] и *Volksherrschaft* [народовластие]. Благодаря двуязычному изданию радиообраще-

³⁹ Сообщение германского посла в Берне Министерству иностранных дел, 14.06.1935; PA AA, Bern Ku XIII 17B, Bd. 1.

⁴⁰ См. аудиодокумент 00 037. In: Teichler H. J., Meyer-Ticheloven. Filme und Rundfunkreportagen als Dokumente der deutschen Sportgeschichte von 1907–1945. Schorndorf 1981.

⁴¹ См.: Programmplan für die vorolympische Rundfunk-Kampagne. Reichssendeleitung, Olympiabeauftragter. BA R 78 / 674.

⁴² Новый перевод Крюгера в журнале *Leistungssport* (2 (1972) 4, S. 239ff) опускает данное введение — без указаний на это — и совершает тем самым ничуть не меньшие манипуляции, чем переводчики-фальсификаторы 1935, 1959 и 1966 годов. См.: ОК für die XI. Olympiade (Hrsg.): Pax Olympica. Weltsendung des Reichssenders Berlin am Sonntag, dem 4. August 1935 mittags. Berlin 1935; Coubertin P. Olympische Erinnerungen. Berlin 1936, Frankfurt a. M. 19 592; Coubertin P. Der olympische Gedanke. Reden und Aufsätze. Hrsg. v. Carl-Diem-Institut. Schorndorf 1966. S. 150–154. См. Также: Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. S. 72, 107.

⁴³ Слово *civilisation* дважды было переведено в немецко-патриотическом духе как *Weltmenschentum*, лишь в третий раз — правильно.

ния Кубертена (см. прим. 41; *Rach Olympica*) каждый читатель, владевший этими языками, мог распознать манипуляцию словами. Достоверно не установлено, узнал ли Кубертен об этом или вообще рассматривал немецко-патриотический перевод как искажение его слов (см. прим. 20, S. 23). Во всяком случае вскоре он снова выказал готовность выступить по швейцарскому радио с обращением на олимпийскую тему. Внешним поводом для этого послужило мероприятие швейцарского НОК «по содействию Олимпийским играм 1936 года», на котором после Кубертена должны были выступить также президент германского ОК и Вильям Хирши, президент швейцарского НОК. Конференция, на которой Кубертен в качестве почетного президента МОК надеялся выступить в защиту своего детища, была аранжирована доктором Мессерли, преследовавшим двойную цель. Во-первых, полагал «швейцарский олимпийский комиссар»⁴⁴, необходимо воздействовать на швейцарскую общественность; второй же целью стали США, где приближалось окончательное голосование спортивных союзов по вопросу об участии в Олимпиаде, исход которого в конце осени 1935 года был еще абсолютно неясен.

Несмотря на переданное по немецкому радио обращение Кубертена и недвусмысленные публикации Мессерли в прессе, в которых он уверял в неполитическом характере Игр и олимпийском духе Германии и ее фюрера, «Швейцарский олимпийский комитет... оказывал значительное противодействие»⁴⁵, как было указано в конфиденциальной заметке германского посольства. Об этих внутренних делах и том факте, что «американский посланец... агент контрпропаганды проник даже в Лозанну (штаб-квартиру МОК), чтобы убедить Швейцарию отказаться от участия», германское посольство узнало не от кого-либо, а от самого Мессерли, который представился послу фон Вайцзеккеру, нанеся ему 12 октября 1935 года личный визит. В качестве подтверждения своей прогерманской позиции Мессерли предъявил свои газетные статьи. После этой встречи Вайцзеккер записал среди прочего: «Господин Мессерли считал этот вечер весьма важным для нейтрализации довольно значительной пропаганды против участия в Олимпиаде» (см. прим. 44).

Обширная деятельность в Швейцарии была развернута и со стороны МОК (действующий президент МОК де Байе-Латур выступил с интервью в прессе⁴⁶, с заявлениями⁴⁷ и информационными бюллетенями, обращенными к членам МОК и президентам НОК (свыше 50), в пользу

⁴⁴ Левальд—фон Вайцзеккеру, 16.10.1935; PA AA, Bern Ku XIII 17B, Bd. 1.

⁴⁵ См.: Messerli F. M. Les jeux olympiques de la XIème Olympiade au service de la paix. Nous devons aller à Berlin la capitale de l'Olympisme mondiale. In: Pro Sport (Lausanne), 30.09.1935, 1f.

⁴⁶ Интервью Байе-Латура в газетax *L'Auto*, 20.09.1935, и *Paris-Soir*, 13.03.1936.

⁴⁷ Заявление для прессы от 6.11.1935 после его аудиенции у Гитлера 5.11.1935. См.: PA AA, OS 36, Boykott, Bd. 1.

Олимпийских игр в Германии⁴⁸) благодаря Эвери Брендеджу, который в поисках поддержки обратился к своим европейским друзьям⁴⁹. Уже в сентябре 1935 года германское генеральное консульство в Чикаго докладывало, что Брендедж нуждается в поддержке: «...а поскольку он не может найти ее в Америке, она должна исходить из Германии или из Международного олимпийского комитета»⁵⁰. В этих усилиях демократическая Швейцария, к тому же еще и сосед Германии, сыграла немаловажную роль. Еще большим публицистическим весом в данной ситуации обладало, вероятно, слово Кубертена, о чем Левальд 23 октября сообщил чиновникам Министерства иностранных дел, озабоченным развитием событий в США: «Родоначальник олимпийской идеи, старый барон Кубертен, собирается в ближайшее время направить соответствующий призыв американцам»⁵¹. Дабы гарантировать международный отклик, Левальд попросил германского посла в Берне посодействовать, «чтобы и другие члены дипломатического корпуса и Федерального собрания посещали лекции»⁵². Это, по его словам, отвечало желаниям Кубертена. Ведь он написал Левальду, «что из-за пошатнувшегося здоровья он, видимо, выступит перед публикой в последний раз и что он подчеркивает величайшую необходимость придать этому мероприятию огромное значение, чтобы оно тем самым оказало сильнейшее влияние на общественное мнение». Причину Левальд назвал со всей отчетливостью: «...конкретно — агитация американцев против проведения Игр в Германии». Однако для Кубертена, боровшегося после отхода от активной деятельности в олимпийском движении против выхолащивания «его Игр» и превращения их в своего рода суперчемпионат спортивных союзов, на первом плане стояло скорее стремление еще раз изложить суть олимпийской идеи. Все же он надеется, что на предстоящих Играх будет осуществлена олимпийская идея в ее сущности⁵³, — это высказывание можно было великомерно использовать, опровергая любые аргументы сторонников бойкота.

Торжественное собрание в аудитории Швейцарского высшего технического училища стало вступлением к обширному спортивному митингу, в ходе которого, помимо прочего, швейцарским футбольному и атлетическому союзам был вручен кубок МОК. Кроме того, состоялось учредительное собрание объединения «Швейцарские спортивные журналисты» и прошли заседания центрального комитета Швейцарского федерального союза физической культуры. Прибывшие олимпийским

⁴⁸ См. письмо Дима в Министерство иностранных дел от 13.05.1935; см.: PA AA, OS 36, Boykott, Bd. 1.

⁴⁹ Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. S. 109ff.

⁵⁰ Сообщение германского генерального консула в Чикаго германскому послу в Вашингтоне, 3.09.1935. PA AA, OS [далее текст в немецкой копии отсутствует].

⁵¹ Протокольная запись разговора Дикхофа, фон Бюлова-Шванте и Левальда в Министерстве иностранных дел, 23.10.1935. PA AA, OS 36, Beteiligung der Länder, Bd. 3.

⁵² Левальд — фон Вайццеккеру, 16.10.1935; PA AA, Bern Ku XIII 17B, Bd. 1.

⁵³ Diem C. Weltgeschichte des Sports. 2 Bde. Stuttgart 19 713.

чартерным рейсом на украшенном олимпийскими кольцами «Юнкерсе-52» высшие чиновники германского ОК использовали тщательно подготовленную программу встречи для проведения серии рекламных мероприятий. В субботу собравшимся журналистам и чиновникам было предложено совершить «экскурсионный полет над горами их родины»⁵⁴, и на высоте 3000 метров швейцарцы были приглашены в Берлин. Германский железнодорожный центр, ответственный за рекламу Олимпиады за рубежом, организовал для немецких туристов в субботу, за несколько часов до международного футбольного матча Швейцария – Норвегия, утреннее угощение пивом (Frühshorppen) в отеле «Сити»⁵⁵. Накануне вечером Дим и барон Лефорт, а также генеральные секретари летних и зимних Олимпийских игр на «совместном ужине» Швейцарского олимпийского комитета и немецких гостей сделали доклады о состоянии подготовки Игр. Ход строительства олимпийских объектов был наглядно продемонстрирован участникам показом фильма⁵⁶, выпущенного Комитетом по пропаганде Олимпийских игр⁵⁷.

1936 год. Швейцарский спорт в кампании по бойкоту Олимпиады в Берлине

Издержки в связи с этими и многими другими рекламными мероприятиями окупались самым большим в истории Олимпийских игр до 1936 года участием зарубежных стран. Даже США приняли участие в Играх, хотя и после ожесточенных дебатов, которые Эвери Брендедж еле-еле выиграл с помощью ряда хитростей⁵⁸. Решающее значение для привлечения рекордного числа участников (49 стран, 4066 спортсменов⁵⁹), причем именно на Играх, которые впервые в еще недолгой истории неолимпизма натолкнулись на противодействие – всемирную

⁵⁴ ОК für die XI. Olympiade (Hrsg.): Amtlicher Bericht, Bd. 1. Berlin 1937. S. 72. Далее цитируется как ABS.

⁵⁵ См. официальную программу мероприятий 1.11.1935–3.11.1935 в Цюрихе; Vereinigung Zuercher [далее текст в копии отсутствует].

⁵⁶ О содержании: F 00 346. In: Teichler H. J., Meyer-Ticheloven. Filme und Rundfunkreportagen als Dokumente der deutschen Sportgeschichte von 1907–1945. Schorndorf 1981; а также: Jugend der Welt [«Молодость мира»] – Der Film von den IV. Winterspielen Garmisch-Partenkirchen 1936. Filmedition G 160 des IWF, Göttingen 1979; обсуждение фильма и публикация [в исходнике невозможно прочесть год публикации статьи Бернетта, поэтому привожу обе ссылки, но первая наиболее правдоподобна]: Bennett H. Sportpolitik im Dritten Reich. Aus den Akten der Reichskanzlei. Schorndorf 1971 или Bennett H. Die innenpolitische Taktik des nationalsozialistischen Reichssportführers. Analysen eines Schlüsseldokuments. In: Stadion 1 (1975), 140–178.

⁵⁷ Комитет по пропаганде подчинялся не ОК, а RmFVuP [Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda – Министерству народного просвещения и пропаганды]. См. по этому поводу: Teichler H. J. Berlin 1936 – Ein Sieg der NS-Propaganda? Institutionen, Methoden und Zielen der NS-Propaganda Berlin 1936. In: Stadion 2 (1976), S. 265–306.

⁵⁸ Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. S. 163f.

⁵⁹ См.: Kämpfer E. Enzyklopädie der Olympischen Spiele. Düsseldorf 1972. S. 296f.

кампанию по бойкоту⁶⁰, имели, видимо, личные усилия действующего президента МОК и его предшественника. Умело использованные МОК и германскими организаторами международная репутация и моральный вес личности Кубертена особенно облегчили задачу спортивных чиновников, доказывавших, что на Олимпийских играх 1936 года речь шла «только» о неполитическом международном мероприятии на германской земле. Так швейцарское правительство ответило на короткий запрос депутата-социалиста Райнхарда, который за несколько недель до начала зимних Игр попытался побудить Федеральный совет отказаться от участия в Играх или прекратить дотировать участие швейцарских спортсменов⁶¹.

Когда же во Франции незадолго до летних Игр «Международный комитет защиты олимпийской идеи», состоявший преимущественно из немецких эмигрантов и рабочих-спортсменов из разных стран, возбудил в прессе новую дискуссию по поводу бойкота, берлинское Министерство иностранных дел забеспокоилось. Учитывая недовольство в мире, вызванное милитаризацией Рейнской области Германией, и наличие среди сторонников бойкотов таких знаменитостей, как Генрих Манн и Лион Фейхтвангер, уже нельзя было исключить серьезные осложнения для проведения Игр. И когда в Париже 6 и 7 июня 1936 года состоялась международная конференция, организованная «Международным комитетом защиты олимпийской идеи», — последняя попытка предпринять бойкот Олимпиады⁶², — Министерство иностранных дел [Германии] распорядилось о контроле во всем мире за международными «комитетами по fair-play» и всеми акциями вышеуказанного комитета⁶³. В работе всех этих комитетов также принял участие доктор Штайнеманн, президент «Швейцарского союза рабочих по физкультуре и спорту» (SATUS). Он даже произнес в Париже резкую речь и внес проект резолюции по «усилению борьбы против гитлеровской Олимпиады»⁶⁴. Хотя наряду с этим из Швейцарии поступали сообщения об инициированном «левыми союзами» росте пропаганды «...против участия Швейцарии в берлинских Играх...»⁶⁵, участие Швейцарии не подвергалось сомнению. Германский генеральный консул в Жене-

⁶⁰ Кампания бойкота 1980 года отличалась от этой: другими были инициаторы, другим оказался и результат. См.: Teichler H. J. Spiel der falschen Parallelen. In: Vorwärts, v. 24, 1980. S. 11.

⁶¹ [Ссылка не скопировалась на ксерокопии.]

⁶² Сообщения германского посольства в Париже Министерству иностранных дел, 26.06.1936. PA AA, OS 36, 86–26, Fair-play.

⁶³ МИД (Бюлов — Шванте) германским дипломатическим миссиям, 31.05.1936. PA AA, OS 36, 86–26, Fair-play.

⁶⁴ Приложение к отчету германского посольства в Гельсингфорсе (Хельсинки), 7.07.1936, PA AA, Fair-play.

⁶⁵ Сообщение германского генерального консульства через МИД Министерству пропаганды (RMfVuP), 26.05.1936, PA AA, Bern, Ku XIII 17B, Bd. 1.

ве, который поддерживал контакты с МОК и представителями любительского спорта в Швейцарии, мог успокоить берлинские инстанции: «Против этой антигерманской агитации выступил с отрадной прямоотой в только что напечатанной газетной статье доктор Мессерли, живущий здесь в Лозанне генеральный секретарь Швейцарского олимпийского комитета. Статья опубликована в...экстренном выпуске женеvской газеты La Tribune 24-го числа сего месяца»⁶⁶. Мессерли, соучредитель Швейцарского олимпийского комитета, давнишний близкий друг Кубертена, навещавший его в Лозанне⁶⁷ и назначенный душеприказчиком, аргументировал, как и в октябре 1935 года, двойственным образом. С одной стороны, он обругал движение за бойкот (в честности этого движения он сомневался), а с другой — подчеркнул мирный характер Игр, которые «ничего общего не имеют с внутривполитическими тенденциями отдельных правительств»⁶⁸. Как и многие его современники, он скорее доверял миролюбивым речам Гитлера, не замечая масштабности политики милитаризации, которую к этому времени уже невозможно было скрыть.

1936 год. Кубертен и Олимпийские игры

а) Кандидат на получение Нобелевской премии мира

Германский рейх проявил гибкость и постарался подать себя как «оплот олимпийского духа»⁶⁹. 28 января 1936 года Гитлер одобрил предложение о присвоении имени Кубертена Южному входу на Олимпийский стадион⁷⁰ — это была официальная почесть, которой ему еще никогда не оказывали. Хотя он уже решил, что Франция его забыла⁷¹, немцы стали даже обсуждать возможность присвоения Нобелевской премии мира⁷². Так, «руководитель департамента печати имперского правительства», статс-секретарь Вальтер Функ «живейшим образом» приветство-

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Eyquem M.-T. Pierre de Coubertin. S. 288; Scherer K. A. Der Männerorden. Die Geschichte des Internationalen Olympischen Komitees. S. 32.

⁶⁸ Сообщение германского генерального консульства через МИД Министерству пропаганды (RMfVuP), 26.05.1936, PA AA, Bern, Ku XIII 17B, Bd. 1.

⁶⁹ См. информационный бюллетень № 121 ОК для IV зимних Олимпийских игр о речи Вальтера Функа, руководителя департамента печати имперского правительства, с которой он выступил перед немецкими и иностранными журналистами. S. 3. VA R 34/45.

⁷⁰ См. депешу министра внутренних дел рейхспортфюреру, ОК и другим партийным и государственным организациям, 28.01.1936. VA R 18/5613.

⁷¹ См. прим. 29. Еще в 1946 году Дим гордо указывал на то, что только в Германии стоит памятник Кубертену и имеется площадь его имени. Sport-Echo, 3.12.1946.

⁷² Соответствующие конфиденциальные соображения членов МОК Функ изложил в своей речи перед немецкими и иностранными журналистами 4 февраля 1936 года. См. прим. 68.

вал инициативу членов МОК⁷³ выдвинуть кандидатуру Кубертена на эту премию. Мотивы Функа, в центре выступления которого на международном приеме журналистов в канун зимних Игр стояла немецкая поддержка кандидатуры Кубертена, были прозрачные. Во-первых, в преддверии более важных летних Игр нужно было заручиться благосклонностью пионеров олимпийского движения, а во-вторых, присвоение Нобелевской премии Кубертену было бы для властителей Третьего рейха самым изящным выходом из положения, чтобы предотвратить утрату международного престижа, угрожавшую в том случае, если бы политзаключенного Карла Оссецкого, как ожидалось, действительно наградили бы Нобелевской премией⁷⁴. Но в данном случае высшие функционеры МОК и Третьего рейха ошиблись в оценке настроения международной общественности: Норвежский комитет вручил Нобелевскую премию мира противнику режима Карлу фон Оссецкому. Официальная поддержка рейхом кандидатуры Кубертена (10 февраля 1936 года МИД предписал дипмиссиям в Париже, Варшаве, Брюсселе, Копенгагене и Праге вести пропаганду в пользу соперника Оссецкого — Кубертена⁷⁵) скорее пошла во вред, чем на пользу этому кандидату.

Сам Кубертен, который, очевидно, рассчитывал на почести со стороны норвежского Нобелевского комитета, не учитывал этой взаимосвязи. С разочарованием он писал на рубеже 1936/1937 годов рейхсшпортифюру: «Поэтому я знаю, что я вот уже 50 лет больше содействовал миру во всем мире, развивая международный спорт, чем если бы занимался пустословием и бесплодными мероприятиями. Ваше признание в этой связи для меня очень ценно»⁷⁶.

б) Выступления Кубертена по радио

После ухода с поста президента МОК Кубертен по формальным и личным причинам уже не мог больше присутствовать на международных олимпийских церемониях. Его не было в Амстердаме в 1928 году, в Лос-Анджелесе в 1932 году, а затем и в Берлине в 1936 году. Свой самый крупный личный вклад (чему содействовали Дим и Левальд с привлечением новой техники — радиовещания) он посвятил берлинским Играм. После

⁷³ МОК утвердил свою инициативу лишь 11 февраля 1936 года на 34-м заседании в Гармиш-Партенкирхене, на котором присутствовало всего 16 членов этой организации. См.: Mayer O. A travers les anneaux olympiques. Genf 1960, p. 151.

⁷⁴ О кампании по присуждению Нобелевской премии Оссецкому см.: Frei B. Carl v. Ossietzky. Eine politische Biographie. 2. erw. Aufl., Berlin 1978; Vinke H. Carl v. Ossietzky. Hamburg 1978; Grossmann K. R. Carl v. Ossietzky receives the Nobel Peace Prize. In: Der Friede. Idee und Verwirklichung. Festgabe für Adolf Leschnitzer. Hrsg. V. E. Fromm u. H. Herzfeld. Heidelberg 1961. S. 177–198. Дим еще в 1941 году сожалел о присвоении Нобелевской премии «немецкому коммунисту». См.: OF, I, S. 253.

⁷⁵ См.: Frei B. Carl v. Ossietzky. S. 259f.

⁷⁶ DRL-Pressedienst, 3.09.1937.

входа участвовавших в Играх команд, еще до речи Левальда и вступительного слова Гитлера, из громкоговорителей Олимпийского стадиона послышался звонкий, отчетливый голос Кубертена. Одновременно на демонстрационном табло появился немецкий перевод: «Смысл Олимпийских игр состоит не в победе, но в участии; не завоевывать, а по-рыцарски бороться — вот главное в жизни»⁷⁷.

Свою речь, произнесенную в Олимпии перед стартом эстафеты с олимпийским огнем, Кубертен завершил похвалой немецким организаторам и участникам эстафеты с олимпийскими факелами по маршруту Олимпия — Берлин⁷⁸. Еще откровенней он был в черновике своей заключительной речи⁷⁹: после похвалы «гениальному и достойному восхищения другу Карлу Диму» он выразил свое почтение Гитлеру, который всем «трудностям с самого начала противопоставил свою волю, руководствуясь девизом «*Мы хотим строить*»⁸⁰, чтобы противостоять нелояльным и коварным нападкам, посредством которых то тут, то там стремились загубить начатое дело»⁸¹. Поскольку о строительстве стадиона в доолимпийской полемике практически не говорилось и критика этого показного объекта Третьего рейха в решающей фазе пропаганды бойкота полностью затенялась проблемой расовой дискриминации, Кубертен под словом *construction*, видимо, подразумевал само олимпийское «дело». Из этого контекста следует тогда, что упрек в «измене, вероломстве» (*déloyale*) и «подлости, коварстве» (*perfide*) должен был относиться к сторонникам бойкота. Тем самым Кубертен присоединялся к аргументации, используемой Брендеджем и Байе-Латуром, которые свои речи и статьи перед Олимпийскими играми уснащали аналогичными оскорбительными словами. В заключительной фразе наброска своей речи Кубертен еще раз недвусмысленно поблагодарил «германский народ и его фюрера за дело, которое они совершили здесь (то есть в Берлине. — Х. Й. Т.)»⁸².

⁷⁷ См.: ABS I, 562, и отличное от этого сообщение DNB [Deutsches Nachrichtenbüro—Германское информационное агентство, официальное агентство по печати в Третьем рейхе. — *Прим. пер.*] No. 17. 1.08.1936: *Olympische Spiele. Die Eröffnung*. BA Rk 43 II / 730.

⁷⁸ Mayer O. *Op. cit.* P. 149f.

⁷⁹ Coubertin P. *Der olympische Gedanke*. S. 155–156.

⁸⁰ Эти слова, написанные и во французском тексте по-немецки, взяты из: Krause G., Mindt E. *Olympia 1936 — eine nationale Aufgabe*. Berlin 1935. В этом представительном томе данная цитата приведена в качестве подписи под фотографией, занимающей всю страницу 3, на которой изображен «Осмотр строительства» Гитлером 5 октября 1933 года.

⁸¹ Французский текст: *Souvenirs de Courage car il en fallu pour faire face aux difficultés auxquelles le Führer avait opposé d'avance le mot d'ordre de sa Volonté. Wir wollen bauen, et pour Résister aux attaques déloyales et perfides par lesquelles on a tenté ici et là d'abattre la construction qui s'élevait...* (Coubertin P. *Der olympische Gedanke*. S. 134f.).

⁸² Во французском оригинале говорилось: *Que le peuple Allemand et son chef soient remerciés pour ce qu'ils viennent accomplir!* Coubertin P. *Op. cit.* S. 135.

в) Ошибки и фальсификации в переводе

Уместно будет остановиться здесь на переводе слов Кубертена с французского. Хотя существует немецкоязычное издание речей и статей Кубертена на тему олимпийских идей, которое в 1966 году было опубликовано Институтом им. Карла Дима с целью «перевести работы без всяких купюр и приукрашиваний», нам пришлось заново перевести процитированный выше пассаж, поскольку в немецком переводе отсутствует половина предложения *auxquelles le Führer* (в тексте по-немецки. — Х. Й. Т.) *avait opposé d'avance le mot d'ordre de sa Volonté* (см. прим. 78, 80), а слово *chef*, во франкоязычной прессе того времени синонимичное немецкому слову *Führer*, было с искажением смысла переведено как «правительство»⁸³. В этой связи удивительно также, что в 1966 году (как и в 1935 году) встречающиеся у Кубертена понятия «демократия» и «цивилизация» все еще переводят, соответственно, как *Volksherrschaft* [народовластие] и *Weltmenschentum* [всемирное человечество]⁸⁴. Тенденция удалять имя Гитлера из олимпийской истории и текстов Кубертена *qua* [посредством] перевода в последнее время претерпела существенные изменения и сменилась чуть ли не конструированием враждебного отношения к Гитлеру со стороны Кубертена. Французский спортивный педагог Булонь в своей биографии Кубертена (1975) опубликовал в разделе документов фрагмент его воспоминаний, которому Кубертен дал то же название, что и своей последней речи по радио в Цюрихе (1935): *La symphonie inachevée* («Неоконченная симфония»). В этом тексте 1935 года Кубертен окидывал мысленным взглядом всю свою долгую жизнь: *Mon plus vieux souvenir de vie publique remonte à Napoléon III et à l'Exposition Universelle de 1867; et voici que sur le seuil de la célébration de la onzième des Olympiades (1936) dont j'ai restitué le cours se montre cette étrange figure d'Adolphe Hitler, l'une des plus curieuses et de plus inattendues que j'ai rencontrées en étudiant l'histoire*⁸⁵.

Спортивный журналист Бледорн в своей публикации об «идее и реальности Олимпийских игр», опираясь на тот же текст, перевел скорее нейтрально-отстраненную кубертеновскую характеристику Гитлера («странная фигура», «одна из самых любопытных и самых неожиданных»), искажая ее смысл, таким образом: Кубертен-де подчеркивал, «что восхождение Адольфа Гитлера на сцену мировой истории непри-

⁸³ См.: Daume W. Zum Geleit. In: Coubertin P. Op. cit. S. VI.

⁸⁴ Coubertin P. Op. cit. S. 150, см. также прим. 41.

⁸⁵ Boulongne P.-Y. La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863–1937. Ottawa 1975. P. 462–464 [«Мои самые первые воспоминания об общественной жизни восходят к Наполеону III и Всемирной выставке 1867 года; и вот на пороге открытия одиннадцатой из Олимпиад (1936), проведение которых я возродил, появляется эта странная фигура Адольфа Гитлера, одна из самых любопытных и самых неожиданных из тех, что я повстречал, изучая историю». — *Прим. пер.*].

ятнейшим образом поразило и потрясло его»⁸⁶. Булонь, который видит в непонимании Кубертенем сути успеха гитлеризма единственную тень в его биографии⁸⁷ и хотел бы, чтобы Кубертен во имя олимпизма проклял Гитлера⁸⁸, ретуширует эту «тень», прибавляя от себя к известным определениям *étrange, curieuse, inattendue* фразу: II (Coubertin. — X. Й. Т.) *est sur la reserve, étonné, medusé*⁸⁹. То ли это «игра слов», то ли «ошибки переводчиков» — оба метода направлены на то, чтобы обещать деятеля, восстановившего олимпизм. Однако в задачу историка не должно входить конструирование субъективных образов; проанализировав источники, он должен реконструировать действия конкретных исторических фигур и их жизненные ситуации — особенно в том случае, когда милитаризирующемуся авторитарному режиму удается использовать символическую фигуру определенного движения (как бы созданного для свидетельства о миролюбии и готовности к взаимопониманию) для создания собственного образа, который за границей должен свидетельствовать об абсолютном миролюбии нового режима и одновременно маскировать мероприятия по вооружению страны, чтобы преодолеть «зону риска» национал-социалистической внешней политики⁹⁰.

Еще раз поясним: в 1936 году Кубертен входил в то большинство, которое оставалось глухим к аргументам сторонников бойкота, к призывам многочисленных международных комитетов в защиту Оссецкого (см. прим. 73) и полагалось на уверения в миролюбии официальной Германии. Кубертен не критиковал, он сотрудничал. Это не означает, что мы пытаемся бросить тень на репутацию старца, стоявшего на пороге смерти, назвав его сторонником национал-социализма, нет, наша цель — трезво описать наглость авторитарного режима, использующего человеческие слабости.

2) Пожертвования и жесты

Незадолго до Олимпийских игр в Берлине общественность из послания президента МОК Байе-Латура его коллегам узнает об «отчаянном финансовом положении инициатора возрождения Олимпийских игр»⁹¹. Подобно французскому и норвежскому олимпийским комитетам, Германский организационный комитет также выразил готовность пере-

⁸⁶ См. Blödorn M. Der Olympische Meineid. Idee und Wirklichkeit der Olympischen Spiele. Hamburg 1980. S. 146.

⁸⁷ Bouloungne P.-Y. Op. cit. P. 29.

⁸⁸ Ibid. P. 192.

⁸⁹ «Он сдержан, удивлен, окаменел от изумления».

⁹⁰ См.: Sywottek J. Mobilmachung für den totalen Krieg. Die propagandistischen Vorbereitungen der deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg. Opladen 1976. S. 40ff.

⁹¹ См. письмо Пфундтнера (МВД) Ламмеру (ведомство рейхсканцлера), 4.05.1936. BA Rk 43 II / 730. Ср.: Bernett H. Sportpolitik im Dritten Reich. Aus den Akten der Reichskanzlei. Schorndorf 1971. S. 70f, и Diem (OF, I, 253).

дать фонду Pierre-de-Coubertin-Fonds 5000 рейхсмарок. Но тут вмешался статс-секретарь Министерства внутренних дел Пфундтнер, ответственный за проведение Олимпийских игр. Он увидел в этом возможность продемонстрировать «олимпийскую щедрость» и выдвинул следующее предложение ведомству рейхсканцлера: «Это... тем не менее произвело бы несравнимо более сильное впечатление, если бы фюрер и рейхсканцлер предоставили в распоряжение человека, возродившего Олимпийские игры, почетный дар» (см. прим. 90). Гитлер немедленно распорядился о выдаче 10 000 рейхсмарок, второй транш этой суммы Левальд вручил Кубертену лично. Реакцию Кубертена Левальд описал в коротком отчете, направленном в рейхсканцелярию, следующими словами: «Кубертен с великой радостью и огромной благодарностью принял чек, но, по моему совету, не стал благодарить фюрера вторично, поскольку уже выразил перед этим глубокоую признательность фюреру»⁹².

Но для Кубертена важнее денежных пожертвований⁹³ было, по-видимому, демонстративное признание Германским рейхом античной традиции Игр. Так, в день открытия Олимпиады Гитлер возвестил собравшимся в рейхсканцелярии членам МОК о возобновлении силами немецких ученых раскопок в Олимпии, на что он предоставил из своего фонда 300 000 рейхсмарок⁹⁴. В качестве патрона Игр Гитлер в тот же день послал приветственную телеграмму⁹⁵ Кубертену, которого Левальд в своей речи на церемонии открытия Игр аттестовал как «величайшего педагога всех времен»⁹⁶. ОК вручил всем почетным гостям и членам команд изданный по этому случаю иллюстрированный том о сокровищах античного искусства Греции; в Берлине была открыта выставка античного спортивного искусства. Но и это еще не все: во время приема членов МОК в музее «Пергамон» прозвучал гимн Аполлону, текст которого был найден в руинах Дельфийского храма. Этот гимн, впервые исполненный на открытии «Конгресса по возобновлению Олимпийских игр» в 1894 году, был выбран самим Кубертеном, успешно создавшим вдохновляющую связь с античностью⁹⁷.

Дим, который еще в последние дни перед Играми «...держал [Кубертена] в курсе всех подробностей подготовки»⁹⁸, уже во время Игр послал

⁹² Левальд—Ламмерсу, 3.06.1936. Rk 43 II / 730; обнаружено Бернетом (H. Bennett) в ходе архивных разысканий.

⁹³ В работах Майера (Mayer O. Op. cit.), Эйкема (Eyquem M.-T. Pierre de Coubertin. Paris 1966) и Булоня (Boulongne P.-Y. Op. cit.) они не упоминаются.

⁹⁴ Bennett H. Op. cit. S. 68ff.

⁹⁵ Опубликована 4.08.1936 в *Völkischer Beobachter*. Эта телеграмма была послана одновременно с приветственным адресом, направленным Гитлеру Кубертеном в тот же день.

⁹⁶ Текст речи Левальда перепечатан в сообщении DNB No. 17/1936. BA Rk 43 II / 730.

⁹⁷ На этот жест обращает внимание Мандель (Mandell R. *Hitlers Olympiade Berlin 1936*. München 1980), который, однако, перепутал Конгресс 1894 года с одним из «спортивных праздников». См. также: Diem C. *Ein Leben für den Sport*. S. 190, и Coubertin P. *Olympische Erinnerungen*. Berlin 1936. S. 25f.

⁹⁸ См. интервью с Кубертеном в газете *Münchener Neuesten Nachrichten*, 2.08.1936.

дипломатической курьерской службой в Женеву девять граммофонных пластинок с записью «своего» торжественного представления «Олимпийская юность»⁹⁹. Дим с гордостью наблюдал в этот торжественный час «кульминацию Игр». Для того чтобы «дать миру понятие о германской творческой силе» и «сознавая, что ни одна нация не способна предложить нечто подобное», Дим долго боролся за то, чтобы торжественное представление, исполненное на исходе дня открытия, завершилось финалом IX симфонии¹⁰⁰. В конце концов он даже преодолел сопротивление пуристски настроенного министра пропаганды, которому было жалко использовать Бетховена для украшения спортивного праздника, и исполнил тем самым желание Кубертена, высказанное за год до этого в речи по немецкому радио. Кубертен, который в Женеве слушал по радио открытие и вечернее праздничное представление и соперничал, в тот же вечер послал Диму телеграмму с поздравлениями¹⁰¹.

д) *Интервью*

Насколько Дим соответствовал представлениям Кубертена, доказывает интервью, помещенное следующим утром в газете *Münchener Neuesten Nachrichten* (MNN). Кубертен продиктовал женевскому корреспонденту MNN: «Пусть этот эпизод олимпийской истории символически свяжет музыкальную красоту и мускульную энергию человека. На пути прогресса человечеству еще предстоит пройти через безводные пустыни, испытывая при этом жажду совершенствования. Пусть связь телесных упражнений и высшего наслаждения искусством будет поддерживать их мужество и волю»¹⁰². Кубертен, явно пребывавший в эйфории, — он особенно радовался бурным аплодисментам, которыми была встречена на Олимпийском стадионе французская команда¹⁰³, — выразил надежду, что Олимпийские игры будут способствовать взаимопониманию молодежи. Затем он перешел к главной теме, волновавшей его в последние годы: «Самое главное, по его мнению, — это фундаментальная реформа воспитания. Мир сегодня страдает от кризиса воспитания. С огромным удовольствием он наблюдает, что Германия, а также Италия встали

⁹⁹ См.: PA AA, Bern, Olympiade 1937, Ku XIII 17B, Bd. 2. Подробнее о торжественном представлении см. в: Diem C. *Der olympische Gedanke. Reden und Aufsätze*. Hrsg. v. Carl-Diem-Institut. Schorndorf 1967 и Diem C. *Ein Leben für den Sport*. S. 185ff.

¹⁰⁰ Diem C. *Der olympische Gedanke*. S. 80f.

¹⁰¹ Diem C. *Ein Leben für den Sport*. S. 189.

¹⁰² См.: O. Sch. *Wir besuchen Pierre de Coubertin*. In: *Münchener Neuesten Nachrichten*, No. 21, 3.08.1936. Журналист подчеркивает, что этот пассаж он записал буквально под диктовку Кубертена.

¹⁰³ Ср.: DNB 17 / 36: «...французы, которые были встречены неопишымым взрывом ликования за их энергичное приветствие». Здесь, видимо, имело место недоразумение: французы приветствовали главу государства олимпийским приветственным жестом, практикуемым уже с 1924 года, который несколько напоминал нацистское приветствие (Hitler-Gruß).

на путь такой реформы воспитания, которая только и может привести к окончательной реализации идеала спортивного воспитания, к которому он стремился»¹⁰⁴. Подлинность интервью с Кубертенем, включая высказанное им признание авторитарных государств Италии и Германии, по ряду причин не может подвергаться сомнению. Во-первых, речь идет о типичном стиле французского аристократа, во-вторых, никаких опровержений — да их в унифицированной германской прессе и не следовало ожидать — и никакого иного заявления в свободной западной прессе неизвестно. В пользу того, что Кубертен был согласен с такой передачей своих мыслей, говорят и продолжавшиеся хорошие отношения с немецкими властями и аналогичные высказывания в беседе с Андре Лангом, напечатанной во французской газете *Le Journal* от 27 августа 1936 года¹⁰⁵. Это интервью заслуживает особого внимания, поскольку тексту Кубертена — за исключением мелких, но искажающих смысл ошибок в пассаже о любительском спорте — была присуща «замечательная объективность»¹⁰⁶. Поводом для беседы Андре Ланга с Кубертенем послужила статья Жака Годе в газете *L'Auto* под заголовком, заимствованным у Эмиля Золя, — *J'accuse* («Я обвиняю»), в которой Годе сетовал на искажение олимпийских идей в Германии шовинизмом и профессиональным спортом¹⁰⁷. Интервью Ланга с Кубертенем о проблеме интерпретации Олимпийских игр в различных странах и общественных системах — одно из последних публичных выступлений¹⁰⁸ Кубертена; поскольку до сих пор высказывания, связанные с Германией, в публикациях опускались, представляется оправданным привести статью полностью, согласно имеющемуся источнику¹⁰⁹:

¹⁰⁴ Ср. прим. 101. Высказывая свое мнение о новом немецком спортивном воспитании, Кубертен примкнул к оценке, данной Байе-Латуром, который накануне во время приема в рейхсканцелярии похвалил немецкую систему физкультурных упражнений: по его словам, они — «теперь объединенные в твердый блок» — под руководством рейхсспортфюрера фон Чаммер унд Остена «...за последние три года... достигли высочайшего уровня». Текст речи Байе-Латура см.: DNB 17/36.

¹⁰⁵ Это интервью, процитированное лишь фрагментарно Эйкемом (Eyquem M.-T. Pierre de Coubertin. Paris 1966. S. 281f), можно оценить только в немецком переводе, который был сделан германским посольством в Париже для обзора прессы, составленного по заданию Министерства пропаганды об XI Олимпийских играх. Ср.: BA R 55/1054.

¹⁰⁶ Кубертен: M. Lang, qui est venu m'interviewer apporta à construire son article un tact et une objectivité remarquable [«Г-н Ланг, прибывший взять у меня „интервью“, привнес при составлении своей статьи столько такта и замечательной объективности»]. Письмо Кубертена Андре Руссо, опубликовано в: *Le Temps*, 15.09.1936. Цит. по: Bouloungne P.-Y. La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863–1937. P. 339.

¹⁰⁷ О критике Олимпиады в газете *L'Auto* подробно сообщает германское посольство в Париже в обзоре прессы, составленном по заданию Министерства пропаганды. Ср.: BA R 55/1054, Frankreich, 26–28.

¹⁰⁸ В ответ на общественную критику этого интервью Кубертен заявил, что больше не будет принимать представителей прессы. См.: Bouloungne P.-Y. Op. cit. P. 339.

¹⁰⁹ Автор, к сожалению, не имел возможности произвести сверку текста с французским оригиналом (см. прим. 104). Однако выборочные пробы показали, что в общем

Пьер де Кубертен — легендарная личность. Он с такой легкостью несет на плечах свои семьдесят четыре года, что можно подумать, что красит усы и волосы в снежно-белый цвет, чтобы казаться чуть-чуть старше. Первые мои слова уже заставили его вспылить, но весьма благородно и с улыбкой, не сходящей с его уст:

— Да что вы говорите, Игры изуродованы? Олимпийская идея принесена в жертву пропаганде? Это полная чепуха. Великолепный успех берлинских Игр превосходно послужил олимпийской идее. И только французы, или почти что только они, строят из себя Кассандру. Было бы вредно не понимать или не видеть этого. Нужно дать олимпийской идее возможность свободно развиваться, не боясь ни страсти, ни пересола, порождаемых неизбежными азартом и воодушевлением. Это была бы погоня за утопией, если бы мы пожелали зашнуровать атлетизм, предписывая умеренность как долг.

Что касается ненужности любительского спорта или недовольства некоторых олимпийской клятвой, то у меня это вызывает только смех.

Во-первых, любительского спорта¹¹⁰ не было и нет; во-вторых, в олимпийской клятве, которую я тщательнейшим образом продумал, нет ни одного слова, которое намекало бы на любительство. Детский спор. Важен лишь олимпийский дух, все остальное — буквоедство.

— Не тревожит ли Вас тот факт, что с каждой Олимпиадой атлетизм распространяется все больше?

— А почему это должно меня тревожить? Единственный настоящий олимпийский герой — это, как я всегда говорю, совершенная мужская личность, полная сил. Следовательно, никаких женщин, никаких спортивных команд. Но почему бы по случаю Олимпиады не допустить к соревнованиям женщин, спортивные команды и другие игровые группы? Вот ведь в Олимпии имелся священный участок — роща Алтис — для одного посвященного атлета-победителя, а вокруг кипели страсти собравшихся зрителей. Так и в Берлине проводили Игры с естественными отклонениями, учитывавшими сегодняшнюю жизнь. Во имя каких суровых нравов нужно это осуждать?

— Не представляется ли Вам выбор Токио и желание японцев удивить мир в 1940 году чреватым более или менее серьезными опасностями для будущего?

— Вовсе нет. Все это радует меня. Я этого хотел. Я считаю проведение Игр в Азии великой победой. На олимпийском уровне международные соперничества становятся только благотворными. Прекрасно, что каждая нация мира считает за честь возможность провести Игры и отпраздновать их на свой манер, по своему усмотрению и своими средствами.

текст корректно передает голоса иностранной прессы в имеющемся источнике. ВА R 55/1054.

¹¹⁰ Здесь Кубертен напомнил о своих словах, сказанных прежде, что «абсолютного» любительства никогда не существовало. См. письмо Кубертена Руссо (прим. 105).

Во Франции люди были обеспокоены тем, что Игры 1936 года отличались энергией и дисциплиной, характерными для Гитлера. А как могло быть иначе? Напротив, нужно всемерно желать, чтобы Игры всегда так удачно выступали в том обличии, которое каждый народ творит для них на протяжении четырех лет. Что же может произойти? Развитие рабочих игр, возможно, радикально изменит характер XII Олимпиады. Тем лучше, тем лучше. Игры должны обручиться с жизнью всего мира и не быть в плену совершенно произвольных правил.

— Таким образом, Вы полагаете, что Франция совершила бы серьезную ошибку, если бы не поехала в Токио?

— Да. Она уже совершает сейчас одну ошибку, возмущаясь решением Международного комитета.

— Но что нужно сделать, чтобы на XII Олимпиаде завоевать почетное место?

— Работать. Немецкий пример доказывает нам, чего можно достигнуть, если люди чего-то сильно захотят. Если бы мне поручили тренировать конкурентов, то я уверяю Вас, что они показали бы себя на стадионе в хорошей форме.

— А в самом деле, почему Вам не поручат хотя бы руководство этими тренировками? Почему?

Де Кубертен посмеялся над моей наивностью.

— Потому что я никогда не просил об этом. Потому что мне это никогда не предлагали. Потому что для меня важнее всего моя независимость. Когда мне исполнилось 70 лет, я получил бесценные свидетельства почтения и дружбы со всех уголков земли; одна Франция забыла обо мне. Да что уж там (*подытожил Кубертен, сделав жест, исполненный сдержанной гордости*), ведь не меня больше всего будут за это стыдить.

Итак, Кубертен ради всемирного распространения своих идей был готов пойти на широкую адаптацию Игр к национальному своеобразию стран-участников, причем многих еще и сегодня возмущает то, что Кубертен — знаток немецкой культурной и духовной жизни — отождествил в этом интервью немецкий национальный характер с гитлеровским. Тут он, вероятно, взирал на пропагандистские ухищрения в Гармиш-Партенкирхене и Берлине свысока, а потому более спокойно, чем внутренние и внешние противники нацистской Германии. Особенно критично в этих кругах были восприняты неумеренное восхваление «великолепного успеха берлинских Игр», проведенных с «присущими Гитлеру энергией и дисциплиной»¹¹¹, и предложение барона организовывать спортивную подготовку французской команды по немецкому

¹¹¹ В аналогичном стиле Мессерли (Messerli F. M. Histoire des Sports et de l'Olympisme. Lausanne 1950. P. 75) описывает Олимпиаду 1936 года: ...parfaitement organisé et éclairé par la force et la discipline hitlériennes [«превосходно организованные и осененные энергией и дисциплиной, присущими Гитлеру»].

образцу¹¹². Мощный отклик на высказывания Кубертена в некоторых французских изданиях побудил его впредь больше не давать интервью по спортивным вопросам (см. прим. 107). В этой связи следует заметить, что сильная критика в адрес берлинских Игр прозвучала в левой французской прессе и в ряде буржуазных газет. Вот и *Paris-Soir*, в январе 1936 года опубликовавшая на целую полосу эксклюзивное интервью с Гитлером, выделяла во время проведения Игр скорее их негативные стороны¹¹³. В своем резком отзыве Гастон Бенак усомнился в смысле Олимпийских игр, инсценированных подобным образом:

Чествовали уже не атлета — вся нация ликовала, воодушевленная успехом своих национальных цветов, победой расы, правительства, армии. То, с каким преувеличенным восторгом встречались победы немцев, приняло характер вызова всем остальным. Немцы утратили всякое чувство меры, всю свою выдержку. Немецкая публика попирала самые элементарные правила вежливости. Такое не должно повториться, нельзя, чтобы какая-нибудь нация использовала Игры для унижения других стран¹¹⁴.

Министерство пропаганды немедленно отреагировало на этот выпад: немецким официальным организациям были запрещены «всякого рода контакты» с парижской газетой, а специальным корреспондентам газеты было отказано во въездных визах¹¹⁵.

После XI летних Игр. Продолжение сотрудничества

В швейцарской печати, благожелательно освещавшей ход Игр, постепенно стали появляться критические статьи. Даже газета *Neue Baseler Zeitung*, всегда отличавшаяся симпатиями к Германии, задала вопрос: «Будет ли полностью воплощена в жизнь основная идея современных Олимпийских игр — стать местом встречи спортсменов разных стран —

¹¹² Удивительно, как Булонь (Boulongne P.-Y. *La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863–1937*), который в своей работе упоминает это интервью (р. 339), мог утверждать, держа в руках данный текст, что Кубертен «никогда публично не выражал симпатии к Гитлеру, которого он не мог не считать обыкновенным человеком, да к тому же низкого происхождения» (р. 192).

¹¹³ В спортивной редакции *Paris-Soir* в 1936 году работал также немецкий эмигрант Курт Рисс, который, лично встретившись с Брендеджем и Кубертеном, пытался убедить их в необходимости бойкота. См.: Riess C. *Einsam vor Millionen Augen. Große Sportler und ihre Schicksale*. S. 21, 131. Отклик зарубежной прессы никак не назвать всецело положительным, как утверждает Райнхардт, односторонне опирающийся в работе 1960 года на обзоры прессы, приводимые в унифицированной нацистской печати. Ср.: Reinhardt H. *Internationaler Widerhall der Olympischen Spiele 1936*. In: *Die Leibeserziehung* 9 (1960) 8. S. 248–251.

¹¹⁴ См.: *Paris-Soir*, 20.08.1936.

¹¹⁵ См. официальную бумагу, направленную Министерством пропаганды в рейхсканцелярию, 27.08.1936. BA Rk 43 II / 473.

или же они в большей или меньшей мере будут окрашены в цвета национального тщеславия?»¹¹⁶.

Многие газеты в большей мере затрагивали фундаментальные идеи, связанные со смыслом олимпизма, и приходили при этом к тем же выводам, что и *Berner Tageblatt*:

Спортом уже не занимаются ради него самого, он стал средством для достижения определенной цели. Тщеславие, честь, социальное положение и ложно понятая национальная гордость — вот движущие силы, противостоящие олимпийской идее¹¹⁷.

Германское посольство в Берне, опасавшееся, что подобная серьезная критика «запятнает Германию»¹¹⁸, с радостью приняло предложение швейцарцев «организовать в Лозанне премьерный показ немецкого фильма об Олимпиаде»¹¹⁹. Немцы рассчитывали самым эффективным образом противодействовать этому виду критики благодаря участию Кубертена, который ведь однозначно принял ту помпу, с какой Берлин проводил Игры¹²⁰. Германское консульство в Женеве, где консул, доктор Крауэль, поддерживал дружеские контакты с Кубертенем, дополнительно уведомило об участии генерального секретаря Швейцарского олимпийского комитета, доктора Мессерли, и вице-президента МОК, де Блоне¹²¹. Швейцарские планы рухнули, поскольку фильм Лени Рифеншталь об Олимпиаде был закончен лишь после смерти Кубертена. Премьера, первоначально назначенная на пятую годовщину «захвата власти» 20 января 1938 года, несколько раз переносилась еще и в связи с тем, что из-за первостепенной важности «пропаганды аншлюса»¹²² весной 1938 года хотели дождаться более спокойных времен¹²³. В конце концов она состоялась во время другой кульминации «национал-социалистического года торжеств» — в день рождения «фюрера».

В итоге предложение доктора Крауэля, назначенного в этот период генеральным консулом, послать копию фильма Кубертену в подарок реализовать также не удалось. Крауэль, вероятно, хотел таким образом выразить признательность за подробную информацию о кадровых изме-

¹¹⁶ См.: *Neue Baseler Zeitung*, 18.08.1936. Цит. по: BA R 55/1054.

¹¹⁷ См.: *Berner Tageblatt*, 18.08.1936. Цит. по: BA R 55/1054.

¹¹⁸ См.: Швейцарская пресса об Олимпиаде. BA R 55/1054.

¹¹⁹ Делегация германского посольства в Берне Министерству иностранных дел, 14.II.1936, PA AA, Bern, Ku XIII 17B, Bd. 2.

¹²⁰ Mayer O. *A travers les anneaux olympiques*. Genf 1960. P. 156.

¹²¹ См. письмо, направленное германским консульством в Женеве германскому посольству в Берне, 11.II.1936, PA AA, Bern, Ku XIII 17B, Bd. 2.

¹²² См.: Köner R. R. *Die publizistische Behandlung der Österreichfrage und die Anschlußvorbereitungen in der Tagespresse des Dritten Reiches (1933–1938)*. Phil. Diss. Münster 1956.

¹²³ См. инструкцию для прессы, 18.03.1938: «Фильм не следует выпускать в настоящий момент, когда люди интересуются чем-то иным и фильм пройдет совершенно незамеченным...», BA ZSg II0/7.

нениях в Швейцарском комитете, полученную им в 1937 году от Кубертена¹²⁴. Но предложение бернского посольства, посланное телеграфом в Берлин, любопытно в другом отношении. Рукописное вычеркивание в черновике депеши через три месяца после завершения летних Игр сигнализировало об изменениях в персональной политике в сфере германского спорта. Если в первоначальном варианте еще говорилось: «В надлежащих рамках и в случае присутствия господина рейхспортфюрера Чаммер фон дер Остена (sic!), а также господ Левальда и Дима это мероприятие могло бы иметь существенный пропагандистский успех...» (см. прим. П8), то в окончательной редакции, сохранившейся в архиве посольства, имена президента и генерального секретаря германского ОК были вычеркнуты. 76-летний Теодор Левальд сделал свое дело¹²⁵. Несмотря на то что о нем поговаривали как о кандидате на должность вице-президента МОК, в 1937 году ему пришлось уступить свой пост в МОК верному стороннику режима генералу фон Райхенау¹²⁶ и удовольствоваться внешними почестями (и автомобилем, переданным в пожизненную аренду)¹²⁷. А для 54-летнего Карла Дима «олимпийская неблагодарность»¹²⁸ осталась эпизодом — вскоре появилась новая возможность применения способностей старшего по рангу спортивного организатора.

Спор об «олимпийском наследии» Кубертена

В ходе 35-го заседания МОК в Берлине (1936) члены МОК узнали от Кубертена, который в этот период уже перебрался в Женеву, что он не в состоянии постоянно заботиться об олимпийском музее Мон Рероз¹²⁹ в Лозанне. Кубертен просил МОК и город Лозанну сберечь это учреждение. Затем, 17 декабря 1936 года, представители города Лозанны встретились с членами Исполнительного комитета МОК, чтобы отделить личную собственность Кубертена от собственности МОК и города. Лозанна, в которой штаб-квартира МОК пребывала с 1915 года, выразила готовность и дальше заботиться о музее Мон Рероз; в ответ на это Кубертен навсегда передал построенному им музею свою собственность. Отто Майер, бывший канцлер МОК (1946–1964), заканчивает свое изложение данного урегулирования прав собственности следующим замечанием: «Мы можем добавить, что эти объекты находятся там до сих

¹²⁴ См. сведения германского консульства в Женеве о Хеннигере и Хафнере, посланные германскому посольству в Берне, 20.04.1937 и 25.05.1937. PA AA, Bern, Ku XIII 17B, Bd. 2.

¹²⁵ Der 76jährige Theodor Lewald hatte seine Schuldigkeit getan. Аллюзия на текст из драмы Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе»: Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen («Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»). — *Прим. перев.*

¹²⁶ Krüger A. Theodor Lewald. Sportführer im Dritten Reich. Berlin 1975.

¹²⁷ Diem C. Ein Leben für den Sport. S. 194.

¹²⁸ Diem C. Ibid.

¹²⁹ См.: Diem C. Das Olympische Museum zu Lausanne. OF I, 313–315.

пор»¹³⁰. Здесь, однако, он предусмотрительно скрывает от читателя намерение Кубертена передать часть своего архива будущему институту по постоянному изучению Олимпийских игр¹³¹ в Германии, чего, кстати, швейцарские друзья Кубертена не допустили¹³², когда институт действительно был основан 9 февраля 1938 года в Германском рейхе. Столь же неполным и к тому же искажающим суть дела остается описание Майером переговоров МОК по этому делу в ходе 37-го заседания МОК, проходившего с 13 по 18 марта 1938 года на Ниле. Там члены МОК одновременно узнали об основании Международного олимпийского института (МОИ) в Берлине и о намерении Мессерли объединить в Лозанне Международное бюро спортивной педагогики и Олимпийский институт Лозанны. Майер хоть и верно излагает выжидательную позицию МОК, стремящегося держаться в стороне от возможных споров обоих институтов, однако в своей официозной истории МОК, в которой он, как правило, придерживался текста протоколов заседаний МОК, добавляет — на сей раз отклоняясь от протоколов, — что в случае лозаннских институтов речь шла об основании их Кубертенем¹³³, при этом умалчивая, что — согласно протоколу¹³⁴ — немецкая делегация также ссылалась на письмо Кубертена. Манера изложения Майером переговоров в ходе 37-го заседания МОК 1938 года, которая внушает читателю, что только лозаннские институты могли бы ссылаться на волю Кубертена, производит тем более странное впечатление, что одним из его первых действий в должности канцлера МОК в 1946 году было выполнение решения МОК о переводе финансировавшегося рейхом МОИ из Берлина в Лозанну, в штаб-квартиру МОК¹³⁵.

Но и описания Дима, назначенного исполнительным директором МОИ, нуждаются в дополнении; с ними связана замалчивавшаяся до сих пор предыстория.

Сам Дим описывал ситуацию неоднократно, но при этом ничего не говорил о своем визите к Кубертену в Женеве в мае 1937 года. Через несколько недель после мартовского заседания МОК (1938) он прослав-

¹³⁰ Nous pouvons ajouter que ces objets s'y trouvent encore aujourd'hui. См.: Mayer O. A travers les anneaux olympiques. P. 152, 157.

¹³¹ См. письмо Крауэля Эссеру, 19.03.1937. PA AA, OS 36, 86–26. Bd. 10.

¹³² Mandell R. Hitlers Olympiade Berlin 1936. S. 219.

¹³³ Mayer O. A travers les anneaux olympiques. Genf 1960. P. 164.

¹³⁴ См.: Procès-verbal de la 37ième Session du CIO. Le Caire 13 au 18 mars 1938. Опубликовано Мюллером: Müller N. Die Olympische Idee Pierre de Coubertins und Carl Diems in ihrer Auswirkung auf die Internationale Olympische Akademie (IOA). Phil. Diss. Graz 1975. S. 56.

¹³⁵ См.: Procès-verbal de la 39ième Session du CIO. Lausanne 4 au 6 septembre 1946. Цит. по: Müller N. Op. cit. S. 72. Спортивная историография ГДР, стремясь подольститься к МОК, ухитрилась в двух работах — Geschichte der Körperkultur in Deutschland, 1917–1945 (Simon 1969) и в публикации Kleines olympisches Lexikon (K. J. Schönfelder u. F. Trogisch, Lepzig 1980) — вовсе не упомянуть «Международный олимпийский институт» в Берлине.

лял в газете *Frankfurter Zeitung* создание МОИ как доказательство «уважения, которое новая национал-социалистическая Германия завоевала в области спорта»¹³⁶. Кубертен уже в 1934 году предложил «создать в Берлине»¹³⁷ второй Олимпийский музей как аналог лозаннского»¹³⁸. О мотивах и реализации «предложения» 1934 года Дим сообщает далее: «В мае 1937 года он через посредничество доктора Крауэля, германского консула в Женеве, с которым у него сложились дружеские отношения, передал рейхсспортфюреру предложение основать Международный олимпийский институт, которому он впоследствии хотел бы завещать еще не опубликованные материалы из своего письменного наследия, относящиеся к педагогическим и психологическим проблемам „олимпизма“... Кубертен однозначно обосновывал это тем, что именно Германия так хорошо поняла и воплотила в жизнь его идеи»¹³⁹. Дим, преобразивший в газете *FZ* нейтрально-выжидательную позицию МОК по вопросу об основании МОИ¹⁴⁰ в «радостное одобрение» (см. прим. 135), относившееся только к его проекту газеты *Olympische Rundschau*, с появлением которой страдавший от хронической нехватки средств МОК получал бесплатное средство коммуникации, обладал достаточной сообразительностью, чтобы не повторять это утверждение в редактировавшемся им трехязычном органе МОК, первый номер которого вышел в то время¹⁴¹.

Это не помешало ему и издателям текстов из его наследия утверждать и после 1945 года, что МОК официально одобрил создание берлинского института¹⁴², а поскольку такого решения МОК не существует¹⁴³,

¹³⁶ См.: *Frankfurter Zeitung*, 11.04.1938. Почти те же слова встречаем в: Diem C. *Ein Leben für den Sport*. S. 205. Статья в *FZ* о МОИ опубликована в: Diem C. *OF*, I, 313–317, а также (со снятием пропагандистских фраз) в: Diem C. *Der olympische Gedanke*. S. 36–38.

¹³⁷ Это высказывание Дима в данном пункте некорректно, поскольку Кубертен в своей заявке однозначно подчеркнул, что МОИ не обязательно размещать в Берлине. Ср.: *Olympische Rundschau*, 1 (1938) 1, 3.

¹³⁸ Diem C. *Ein Leben für den Sport*. S. 205.

¹³⁹ См. прим. 135. Формулировка соответствует тексту послания Крауэля Эссеру. См. прим. 130.

¹⁴⁰ В протоколе 37 заседания МОК говорится: *Le CIO prend connaissance de lettres adressées par feu le baron de Coubertin à l'Institut International de Berlin et à ceux de Lausanne, et décide de se tenir en dehors des discussions éventuelles entre les Instituts précités* («МОК ознакомился с письмами, направленными покойным бароном де Кубертенем в Международный институт в Берлине и в Институт в Лозанне, и принял решение не вмешиваться в возможные дискуссии между вышеупомянутыми институтами»). Цит. по: Müller N. *Die Olympische Idee Pierre de Coubertins und Carl Diems in ihrer Auswirkung auf die Internationale Olympische Akademie (IOA)*. S. 56. Непонятно, почему Мюллер, имея под руками этот текст, принимает версию Дима и снабжает протокол заголовком: «МОК одобрил в 1938 году создание Международного олимпийского института в Берлине».

¹⁴¹ См.: *Olympische Rundschau*, 1 (1938) 1, 3f.

¹⁴² См.: Diem C. *Weltgeschichte des Sports*. S. 1018; Diem C. *Der olympische Gedanke*. S. 36f, и Diem C. *Ein Leben für den Sport*. S. 205; там 38-е заседание МОК в Египте ошибочно датировано 1935 годом.

¹⁴³ Письменное сообщение Моника Берлиу (МОК) автору, 9.09.1981.

то формулировка, также идущая от Дима, о «пользе и об одобрении работы МОИ и газеты *Olympische Rundschau* Международным олимпийским комитетом», пожалуй, скорее соответствует действительному положению дел¹⁴⁴. Дим, которому создание МОИ обеспечивало относительно независимое поле деятельности, которое он использовал, проявив поразительно широкую научно-публицистическую активность¹⁴⁵, явно импонировал себе в роли хранителя «идей инициатора возрождения олимпизма, француза Пьера де Кубертена, который на смертном одре завещал ему продолжить дело своей жизни»¹⁴⁶; так, во всяком случае, Дим представился немецкой спортивной публике под современно-боевитым заголовком «Олимпийская идея на марше». Журналистски инсценированная «сцена у смертного одра» — как известно, Кубертен был найден мертвым 2 сентября 1937 года на скамейке в одном из женеvских парков — имеет удивительную предысторию и тем не менее содержит в себе зерно истины.

1937 год. Визит государственного министра в отставке Германа Эссера к Пьеру де Кубертену

6 февраля 1937 года руководитель департамента II Министерства пропаганды, министерский советник Хегерт, ведавший «вопросами молодежи, спорта и транспорта»¹⁴⁷, уведомил германское посольство в Берне о визите «заместителя президента Имперского комитета по иностранному туризму и президента Имперского союза по иностранному туризму, государственного министра в отставке Германа Эссера». Помимо обсуждения проблем иностранного туризма Эссер предполагал также «нанести визит в Лозанне почетному президенту Международного олимпийского комитета Пьеру де Кубертену». В своем письме, которое было адресовано не через Министерство иностранных дел, а прямо посольству в Берне, Хегерт сообщает о поводе неожиданного визита: «Цель визита состоит в выражении барону де Кубертену благодарности от официального германского учреждения за благожелательное отношение к Олимпийским играм в Германии»¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Во всяком случае, если судить по одной неопубликованной при жизни Дима рукописи. См.: Diem C. *Der deutsche Sport in der Zeit des Nationalsozialismus*. Bearbeitet von L. Pfeifer. Köln 1980. S. 37.

¹⁴⁵ Дим заполнил почти все номера *Olympische Rundschau* за 1938 год собственными заметками. Кроме того, существуют и другие публикации в сериях книг, выпускавшихся МОИ. См. библиографию работ Карла Дима в: Körbs W., Wildt K. C., Mies H. (Hrsg.). *Festschrift Carl Diem zur Vollendung des 80. Lebensjahres*. Frankfurt/Wien 1962.

¹⁴⁶ См.: *NS-Sportschau* (?), 7.02.1939, вырезка из газеты CDA, 147/95.

¹⁴⁷ См. штатное расписание Министерства народного просвещения и пропаганды, 1.10.1933. *VA Rk 43 II*, II49.

¹⁴⁸ Письмо Министерства пропаганды германскому посольству в Берне, 6.02.1937. *PA AA, Bern, Ku XIII, 17B, Bd. 2*.

а) Споры о компетенциях

Уже беглый взгляд на путаницу компетенций в структуре должностей и учет важности личных связей для властных структур в Третьем рейхе позволяют понять, почему именно Министерство пропаганды, а в нем именно «старый борец» Герман Эссер (партбилет № 2 в фиктивном списке членов НСДАП 1925 года) ощутили необходимость выразить официальную благодарность рейха. Поскольку в рейхе даже министр внутренних дел Фрик с 1 января 1937 года располагал в своем учреждении отделом спорта, а министр пропаганды Геббельс, выступая перед журналистами, охотно позволял называть себя «спортивным министром», все это приводило к постоянному соперничеству между Министерством иностранных дел и Министерством пропаганды в области международных спортивных связей. Геббельс при создании своего министерства вырвал у МИДа ответственность за «спортивное дело за рубежом» — задачу, которую в практике пред-олимпийских лет новоиспеченное министерство должно было бы предоставить гораздо более опытному аппарату Министерства иностранных дел. Через «Комитет по пропаганде Олимпийских игр»¹⁴⁹, организованный сотрудниками Министерства пропаганды и работавший прежде всего в рейхе, и с помощью рекламного отдела иностранного туризма, обосновавшегося в Министерстве пропаганды и развившего за границей бурную деятельность перед Олимпиадой, Геббельс начал теперь и на практике реализовывать добытые в 1933 году компетенции, что приводило к постоянным и ожесточенным стычкам и конфликтам между обоими ведомствами (типичное явление во властных структурах Третьего рейха), продолжавшимся и во время войны¹⁵⁰.

Характерными для такой неустойчивой ситуации, в которой каждый участник спора пытался завоевать территорию для себя, были выпады, вроде предпринятого Эссером; ибо, как будет показано ниже, главное в идее совместить визит Эссера в Швейцарию с посещением Кубертена заключалось в независимости акции Министерства пропаганды, о которой не были уведомлены ни рейхсканцелярия, ни Министерство иностранных дел¹⁵¹. Подобное самоуправство в «фюрерском государстве» можно объяснить, если пристальнее приглядеться к действующим лицам, которые могли позволить себе тем больше «воль-

¹⁴⁹ См.: Teichler H. J. Berlin 1936 — Ein Sieg der NS-Propaganda? S. 265–306.

¹⁵⁰ См., например, замечание начальника отдела пропаганды в Министерстве пропаганды, советника министерства Берндта (1.05.1942): «Мы крайне заинтересованы в том... чтобы подчеркивать нашу руководящую позицию в области спорта, в том числе и в сфере деятельности Имперского министерства внутренних дел» (BA R 55 / 961). Аналогичные замечания по поводу таких же притязаний присутствуют и в документах МИДа.

¹⁵¹ См. письмо Эссера Ламмерсу, 6.04.1937, Rk 43 II / 769.

ностей», чем теснее они были связаны с Гитлером на заре «эпохи борьбы»¹⁵².

б) «Старый боец» Герман Эссер

Герман Эссер родился в 1900 году в семье железнодорожного чиновника, в конце Первой мировой войны окончил школу с «досрочно сданными экзаменами на аттестат зрелости» и отправился добровольцем на фронт¹⁵³. С осени 1919 года он служил вместе с будущим фюрером в рейхсвере, а с 1921 по 1924 год, по мнению Мазера, исследователя жизни Гитлера, сделался «одним из самых влиятельных сотрудников Гитлера в НСДАП» (S. 88). Бывший студент-журналист и референт по печати Мюнхенского отдела рейхсвера Ив/Р вскоре прославился в НСДАП как сочинитель скандальных историй про евреев, которые публиковал в газете *Völkischer Beobachter* (S. 200).

Беспорядочная жизнь, которую вел Эссер, и его ненадежный характер искупались в глазах Гитлера его безграничной преданностью фюреру, назначившего его начальником службы пропаганды. В стиле, который можно сравнить разве что со стилем Юлиуса Штрайхера, «этот столь же бездумный, сколь и фанатичный партиец задавал самый подлый тон антисемитской и антидемократической пропаганды», утверждает боннский историк Брачер¹⁵⁴.

В возрасте 26 лет он стал главным редактором нацистского еженедельника *Illustrierter Beobachter* и выступил на литературном поприще как автор пасквиля «Еврейская мировая чума. Еврейские сумерки на земном шаре»¹⁵⁵. Позднее он стал депутатом баварского ландтага, в котором с 1933 года занимал пост президента. Одновременно он был назначен баварским государственным министром хозяйства и начальником баварской государственной канцелярии¹⁵⁶. В 1935 году он ушел в отставку со всех баварских постов, став в ранге «государственно-го министра в отставке» — в возрасте 35 лет — президентом Публично-правового имперского союза по иностранному туризму. Эссер, который в начале деятельности НСДАП был предшественником Геббельса на посту руководителя отдела пропаганды, стал в 1939 году статс-секретарем в Имперском министерстве пропаганды, где сфера его деятельности, однако, была ограничена иностранным туризмом. Во время аго-

¹⁵² Несколько примеров см. в: Hüttenberger. *Die Gauleiter. Studien zum Wandel des Machtgefüges in der NSDAP*. Phil. Diss. Bonn 1966; Stuttgart 1969.

¹⁵³ Maser W. *Der Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP*. Stuttgart 1973.

¹⁵⁴ Bracher K. D. *Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus*. Berlin 1969. S. 98.

¹⁵⁵ См.: Esser H. *Die jüdische Weltpest. Judendämmerung auf dem Erdball*. 1. Aufl. 1927, 2. u. 3. Aufl. München 1939, 6. Aufl. 1943.

¹⁵⁶ См.: Stockhorst E. *Fünftausend Köpfe. Wer war was im Dritten Reich*. Velbert u. Kettwig 1967.

ний нацистского режима он получил право замещать Гитлера на проводившихся в Мюнхене в феврале в 1943 и 1945 годах торжествах по поводу годовщины основания партии¹⁵⁷.

в) Кубертен принимает приглашение приехать в Баден-Баден

В 1936 году Эссер не был членом ни Германского олимпийского комитета (DOA), ни обоих организационных комитетов (ОК), не говоря уже о других спортивных организациях; с Олимпийскими играми 1936 года его связывал только коммерческий аспект иностранного туризма, обеспечивавшего приток иностранной валюты¹⁵⁸. Трудно подобрать пару таких противоположностей, как далекий от спорта, антисемитски настроенный нацистский активист Эссер и вдвое старший олимпиец Пьер де Кубертен.

Этот контраст смягчался тем, что Эссер доверил подготовку своего визита германскому генеральному консулу в Женеве, доктору Крауэлю¹⁵⁹, хорошо знавшему Кубертена. Крауэль обратил внимание Эссера на то, что Кубертен очень чувствителен к протокольным вопросам, поэтому Эссер, не запрашивая Берлин, сообщил Кубертену о (так или иначе задуманном) приглашении в Германию от имени Гитлера. Состояние здоровья Кубертена поначалу не вселяло уверенности в возможности посещения Германии, на которое он дал принципиальное согласие. Лишь после того как Крауэль уведомил Эссера о том, что Кубертен действительно намерен приехать и уже написал благодарственное письмо Гитлеру¹⁶⁰, Эссер был вынужден — с задержкой в три недели — уведомить рейхсканцелярию о своем своевольном поступке в Женеве¹⁶¹. «Старый борец» верно оценил пропагандистский потенциал олимпийского дела и склонность Гитлера к демонстративным жестам. 15 апреля 1937 года Гитлер велел передать ему, что задним числом одобряет его «действия всецело»¹⁶².

Другие подробности, рисующие беспардонность Эссера в эксплуатации возраста, гордости и ожесточения его одинокого визави в Женеве

¹⁵⁷ См.: Domagus V. Hitler. Reden 1932 bis 1945. Bd. II, 2 (1941–1945). Wiesbaden 1973. S. 1990 u. 2202.

¹⁵⁸ Лишь позднее Эссер снова проявит активность в вопросах спорта. 20.07.1939 он примет участие в беседе Гитлера, фон Чаммер унд Остена, фон Хальта и фон Райхенау в Оберзальцберге по поводу зимних Олимпийских игр 1940 года.

¹⁵⁹ Юрист Крауэль (1888–1977) находился на дипломатической службе в Женеве с 1928 по 1944 год — частично в консульстве, частично в Лиге наций. На основе сохранившихся документов женеvского консульства нельзя сделать какие-либо выводы о характере и интенсивности его отношений с Кубертенем; кроме того, не имеется никаких актов, относящихся к визиту Эссера. За эти сведения автор благодарит доктора Марию Кайперт (РА АА).

¹⁶⁰ См. письмо Кубертена Гитлеру, 17.03.1937. BA Rk 43 II / 769. См. приложение.

¹⁶¹ См. письмо Эссера Ламмерсу, 6.04.1937. BA Rk 43 II / 769.

¹⁶² См. письмо Ламмерса Эсеру, 15.04.1937. BA Rk 43 II / 769.

и чисто пропагандистские мотивы великодушного приглашения, всплывают при чтении его письма шефу рейхсканцелярии:

В связи с моим пребыванием в прошлом месяце в Швейцарии по поводу переговоров о новом соглашении по взаимным поездкам граждан двух стран я получал с различных сторон рекомендацию все-таки засвидетельствовать свое почтение престарелому основателю Олимпийских игр барону де Кубертену. Это было бы полезно с точки зрения германских интересов, поскольку нельзя сказать, что барон де Кубертен осыпан знаками внимания со стороны Швейцарии и его родины — Франции. Поэтому я решил не только нанести визит барону в Женеве, но и передать этому известному во всем мире человеку приглашение отдохнуть на немецких водах или на каком-либо немецком курорте. Прибыв в Женеву, я узнал от германского консула, уведомленного мной о подготовке визита, что состояние здоровья барона очень плохое. Тем не менее он выразил желание принять меня. Примет ли он приглашение посетить Германию, зависело в сущности от лица, от имени которого фактически исходило бы это приглашение. Во время моего визита к барону де Кубертену у меня создалось впечатление, что я говорю с человеком, одной ногой уже стоявшего в могиле. Перед лицом этого обстоятельства я счел себя вправе передать старому господину, с крайним восхищением говорившему о фюрере и рейхе, привет от фюрера, а также приглашение от имени фюрера отдохнуть и подлечиться в одном из немецких бальнеологических курортов. К счастью, кажется, что состояние здоровья барона де Кубертена все же улучшилось, так что он теперь серьезно рассчитывает на поездку в Германию. Я уже позаботился о том, чтобы барон, чье присутствие в Германии имеет выдающееся значение для немецкого туризма и для посещения немецких курортов, был принят в Баден-Бадене со всей семьей по-княжески за счет Имперского союза по туризму. Полагаю, что подобные пропагандистские визиты для нас крайне необходимы, и считаю, что вследствие этого фюрер одобрит мое приглашение, переданное Кубертену¹⁶³.

Обработка этого документа в рейхсканцелярии доказывает, что Эссер выбрал верный тон, однако само происшествие привлекло всеобщее внимание. Статс-секретарь Ламмерс, начальник рейхсканцелярии, готовясь к докладу у Гитлера, подчеркнул для себя пассаж в письме с похвалой Кубертена в адрес «фюрера и рейха» и велел завизировать ответы Эссеру обоим руководителям отделов и ответственным референтам (см. прим. 161).

Да и в отношении Кубертена Эссер, по-видимому, нашел нужную тональность, что подтверждается тем, как было принято его приглашение, чего Дим ранее безуспешно добивался. Однако при всем том нельзя не заметить, что Эссер пожинал тут плоды многолетней предвари-

¹⁶³ См. письмо Эссера Ламмерсу, 6.04.1937. BA Rk 43 II / 769.

тельной деятельности Левальда и Дима. В то время Кубертен, видимо, испытывал искреннее чувство благодарности к Германии. Он явно не мог (или не хотел) распознать политически-пропагандистской эксплуатации олимпийского церемониала, доведенного немецкими исполнителями до совершенства, в котором равным образом слились нацистская пропагандистская рутинка и организационный и творческий талант Дима; таким образом, инсценировка берлинских Игр должна была показаться ему адекватной реализацией его *religio athletae* («религии атлетов»).

Предложение Кубертена основать Олимпийский институт

При виде идейной и материальной поддержки, которую Германия оказывала делу его жизни и его личной судьбе – почетный подарок Гитлера был вручен ему лишь десять месяцев тому назад, – Кубертен не ограничился этим благодарственным письмом Гитлеру, выдержанным в почти-тельных тонах и отточенном стиле (см. приложение). Практически сразу¹⁶⁴, на одном дыхании он выдвинул предложение основать в Германии «скромный институт», которому он обещал нотариально завещать все свои незавершенные бумаги, документы и планы относительно обновленного олимпизма¹⁶⁵. Пустив все свое личное состояние на службу олимпийским идеям¹⁶⁶, он уже ничего не хотел принимать безвозмездно. Вместе с тем он надеялся, как это следует из его частично известного письма, что такой *Centre d'Etudes Olympiques* [«Центр олимпийских исследований»] в Германии мог бы блюсти в чистоте дело его жизни.

Версия тех лет¹⁶⁷, позднее повторенная Димом¹⁶⁸, о том, что Кубертен

¹⁶⁴ См.: *Olympische Rundschau*, 1 (1938) 1, 3; вероятно, выдержка из письма Кубертена Гитлеру, 16.03.1937.

¹⁶⁵ См. там же: *Ce qui me serait de beaucoup le plus précieux ce serait que l'on veuille bien en Allemagne en souvenir des Jeux de la XIe Olympiade créer un très modeste petit Institut auquel je pourrais leguer tous mes papiers, documents, projets inachevés concernant l'ensemble de l'olympisme renoué car ailleurs, on ne prendrait guère intérêt à l'histoire de ce mouvement et il s'est publié déjà beaucoup d'erreur et de faussetés à cet égard* («На мой взгляд, было бы чрезвычайно полезным, если бы в Германии согласились в память XI Олимпиады создать весьма скромный небольшой институт, куда я мог бы передать все мои бумаги, документы, незаконченные проекты, относящиеся ко всему возрождаемому олимпизму, поскольку в других местах не проявляют никакого интереса к истории данного движения, а в печати по этому поводу уже высказано множество ложных и ошибочных мнений»).

¹⁶⁶ Хотя президент МОК Байе-Латур в январе 1937 года снова обратился к национальному олимпийским комитетам с призывом оказать помощь Кубертену (Mayer O. A travers les anneaux olympiques. P. 156), по сообщению Эссера в марте 1937 года, Кубертен жил «в одном из женевских пансионатов в крайне убогих условиях». См. телеграмму германского посольства в Берне в МИД, 10.03.1937. PA AA, OS 36, 86–26, Bd. 10.

¹⁶⁷ См.: *Olympische Rundschau*, 1 (1938) 1, 3. См. прим. 135.

¹⁶⁸ См.: Diem C. *Ein Leben für den Sport*. S. 205. В своей книге «Всемирная история спорта» (Diem C. *Weltgeschichte des Sports*, 1971. S. 1146) Дим указывает верную дату,

в мае 1937 года будто бы поднял вопрос о создании Международного олимпийского института через посредничество Крауэля, нуждается в исправлении как в отношении датировки и повода, так и в отношении адресата кубертеновской инициативы. Крауэль уже 19 марта 1937 года информировал Эссера об успехе своей поездки: по его словам, Кубертен за это время письменно зафиксировал свои планы¹⁶⁹. Мартовская (а не майская¹⁷⁰) дата под заявкой Кубертена подтверждает значение встречи Кубертена и Эссера в начале марта в Женеве. Не умаляя важной посреднической роли немецкого дипломата Крауэля в этом эпизоде олимпийской истории, все же приходишь к поразительному выводу, что спонтанно использованное «старым борцом» Германом Эссером пространство для игры, когда он пригласил Кубертена от имени Гитлера, не переговорив предварительно с фюрером и не заручившись его согласием, в конечном счете принесло Германскому рейху честь выступать в качестве законного наследника и хранителя кубертеновского наследия. Адресатами предложений Кубертена были не рейхсшпортфюрер, не Дим или Левальд, а сам Гитлер. Именно тому человеку, который в узком кругу насмеялся над «трясущимися стариками из МОК»¹⁷¹, человеку, чьи мировоззрение и система ценностей были диаметрально противоположны кубертеновскому гуманизму и универсализму, Кубертен предлагал теперь основать Институт для постоянного изучения Олимпийских игр.

Первое сообщение об этом намерении Кубертена Крауэль сделал в уже упоминавшемся письме от 19 марта 1937 года:

...Тогда барон объяснил мне на словах, что у него есть план предложить фюреру создать Институт для постоянного изучения Олимпийских игр. Барон Кубертен, когда поправится, изложит этот план письменно и перешлет его фюреру и рейхсканцлеру. В связи со своей поездкой в Германию он надеется переговорить с компетентными учреждениями относительно основания этого института; к тому же он хотел бы, чтобы его поездка в Германию, если в печати появится какой-либо материал на эту тему, была мотивирована тем, что он направляется в Германию для переговоров относительно создания этого института¹⁷².

но в качестве адресата называет германское правительство, хотя письмо было адресовано Гитлеру; также в: Diem C., Gieseler K., Lotz F. Olympische Akademie. Dortmund o. J. (1961). S. 5, 18.

¹⁶⁹ См. письмо Крауэля Эссеру, 19.03.1937. PA AA, OS 36, 86–26, Bd. 10.

¹⁷⁰ Что касается датированного «маем 1937 года» последнего текста Кубертена, написанного его рукой и хранящегося в Институте им. Карла Дима, то речь идет, как можно было установить на месте, лишь о ксерокопии уже опубликованной выдержки из письма от 16.03.1937. См.: Coubertin P. Der olympische Gedanke, S. 164, No. 226. Видимо, по этой причине Булонь в своей биографии Кубертена также должен был исправить дату и место нахождения. См.: Bouloungne P.-Y. La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863–1937. P. 429.

¹⁷¹ См.: Dietrich O. 12 Jahre mit Hitler. München 1955. S. 175.

¹⁷² См. письмо Крауэля Эссеру, 19.03.1937. PA AA, OS 36, 86–26, Bd. 10. В конце своего пись-

Упоминание возможных публикаций в печати о планируемой поездке Кубертена порождает вопрос, почему в прессе тех лет ничего об этом не сообщалось. Уже само согласие Кубертена можно было, как и предполагал Эссер, разыграть в пропагандистских целях. Эссер и попытался это сделать, но при этом неосторожно подключил к делу аппарат консультирующей фирмы — Министерства иностранных дел. 10 марта 1937 года он послал через посольство в Берне следующую телеграмму в берлинскую канцелярию МИДа на Вильгельмштрассе:

Министр Эссер просит передать следующую записку через Министерство пропаганды в DNB:

“...и передал приглашение престарелому основателю Олимпийских игр, живущему в одном из женевских пансионатов в крайне убогих условиях...

Барон Кубертен выразил искреннее восхищение фюрером и олимпийским духом немецкой молодежи и высказал надежду, что состояние его здоровья позволит ему воспользоваться приглашением»¹⁷³.

Пометки, сделанные на документе, хранящемся среди «олимпийских документов» в архиве Министерства иностранных дел, показывают, что происшествие привлекло к себе большое внимание в Берлине. Телеграмма в виде 17 копий была роздана важнейшим департаментам и отделам и даже удостоилась особого доклада у имперского министра иностранных дел. Очевидно, фон Нейрат поначалу не возражал против того, чтобы выполнить просьбу Эссера. Об этом свидетельствует его редакторская пометка, предлагающая вычеркнуть сомнительный пассаж о «крайне убогих условиях», в которых живет Кубертен. Но затем ему в голову пришла другая идея, и он решил оставить заметку Эссера для прессы в первоначальном виде. Давидсен, руководитель экономического отдела, ответственный за туризм, сделал пометку, указывающую на причину этого: «Эссер предварительно не уведомил МИД о своем визите к Кубертену»¹⁷⁴.

В результате формальности и споры из-за компетенций — кто должен представлять рейх за рубежом — препятствовали желаемому улучшению престижа рейха.

ма Эссеру Крауэль шлет привет некоему господину «Дресслеру». Не удалось установить, идет ли тут речь о начальнике спортивной службы NSG KdF (Nationalsozialistische Gemeinschaft Kraft durch Freude — Национал-социалистическое общество «Сила через радость»), Дресслере-Адрессе, или он сопровождал Эссера в Женеве, что можно предположить исходя из формулировки Крауэля.

¹⁷³ Телеграмма германского посольства в Берне в МИД, 10.03.1937. PA AA, OS 36, 86–26, Bd. 10.

¹⁷⁴ Пометка Давидсена; см. *ibid.*

О дальнейшей предыстории МОИ

Вполне понятно, что Кубертен из-за резкого ухудшения состояния здоровья¹⁷⁵ не смог предпринять поездку в Баден-Баден. Так что Диму пришлось отправиться в Женеву, чтобы получить от Кубертена соответствующее разъяснение (датировано 8 мая 1937 года¹⁷⁶), в котором тот повторил свое предложение об Олимпийском институте в той части, где он «мог бы завещать все свои документы, бумаги и незавершенные планы о сохранении возрожденного олимпизма»¹⁷⁷. Какая часть кубертеновского архива действительно попала в Берлин, невозможно реконструировать на основе сохранившихся документов. В первом номере ежеквартального журнала *Olympische Rundschau* Дим сообщает, что Кубертен завещал МОИ корпус своих сочинений, а кроме того, неизданные работы педагогико-философского характера¹⁷⁸. Непроясненные отношения по поводу владения в Мон Репо, сопротивление, оказанное в Швейцарии наверняка и со стороны города Лозанны, которая в июне 1937 года предоставила Кубертену права почетного гражданина, препятствовали по крайней мере «переезду» библиотеки МОК из Лозанны в Берлин¹⁷⁹. Часть сочинений Кубертена сгорела ночью с 3 на 4 сентября 1943 года во время авианалета на Берлин¹⁸⁰.

Неясной остается роль Мессерли. Женевский друг Кубертена находился в то время, когда умер Кубертен, как раз в Германии¹⁸¹, хотя ни в имеющихся документах, ни в мемуарной литературе ничего не сообщается о других поездках или переговорах. Неясным поэтому остается также, почему Имперское министерство внутренних дел выжидало полгода, пока не приняло предложение Кубертена, сделанное в мае, и запросило у имперского министра финансов необходимые средства (см. прим. 176). Это произошло 19 октября 1937 года, через 6 недель после смерти Кубертена. Обоснование заявки в главных чертах текстуально соответствовало опубликованному в апреле 1938 года перечню задач института:

1. научное изложение всех основных олимпийских вопросов и обмен мнениями с носителями олимпийской идеи во всем мире,

¹⁷⁵ Eyquem M.-T. Pierre de Coubertin. L'épopée olympique. P. 288.

¹⁷⁶ См.: Имперское министерство внутренних дел имперскому министру финансов, 19.10.1937. BA R 2/12 005. Разъясняя предысторию, Дим, однако, не упоминает Эссера. См. Также: Diem C. Spätlese am Rhein. Gedanken und Reden über den Sport aus den Jahren 1947–1957. Frankfurt 1957. S. 86f.

¹⁷⁷ См.: Имперское министерство внутренних дел имперскому министру финансов, 19.10.1937. BA R 2/12 005.

¹⁷⁸ См.: *Olympische Rundschau*, 1 (1938) 1, 3.

¹⁷⁹ Mandell R. Hitlers Olympiade Berlin 1936. S. 219, 225.

¹⁸⁰ См.: *Olympische Rundschau*, 6 (1943) 22, 18.

¹⁸¹ Eyquem M.-T. Pierre de Coubertin. L'épopée olympique, *ibid.*

2. создание олимпийского архива в качестве международного информационного учреждения олимпийского движения и олимпийского искусства,
3. издание ежеквартального журнала *Olympische Rundschau* как продолжения основанного Кубертенем журнала *Olympische Revue*¹⁸².

Предполагавшийся годовой бюджет (50 000 рейхсмарок) выглядел довольно скромно по сравнению, например, с гордой суммой в 1 000 000 рейхсмарок, которую Гитлер в тот же период выделил на покупку статуи «Дискобол» из частной итальянской коллекции¹⁸³. Тем не менее прошло еще два месяца, пока рейхсминистр финансов не дал своего согласия¹⁸⁴. В качестве юридической формы Имперское министерство внутренних дел предложило образование фонда, «поскольку создание имперского учреждения поставит под угрозу международный характер института и тем самым затруднит его деятельность» (см. прим. 175). Назначение рейхсспортфюрера председателем фонда¹⁸⁵ в любом случае поможет соблюсти интересы рейха. Хотя «фонд» МОИ юридически стал дееспособным только после подписания его устава 22 апреля 1938 года Фриком, документ об основании, подписанный рейхсспортфюрером, датирован 9 февраля 1938 года; в этот день Гитлер дал свое согласие¹⁸⁶. Внезапная спешка в этом деле, затянувшаяся на месяцы, может быть объяснена только непосредственно предшествовавшим 37-м заседанием МОК в Египте. Фон Чаммер позаботился о том, чтобы Дим как исполнительный директор «был послан... на заседание МОК, чтобы добиться с его стороны одобрения и признания»¹⁸⁷. Как уже было упомянуто, МОК повел себя нейтрально и одобрил только проект *Olympische Rundschau* (см. прим. 133). Это не помешало Диму публично объявить по берлинскому радио, что Германии «выпала задача стать духовной хранительницей олимпийской идеи». Дим в этой речи изложил, как он собирается интерпретировать «наследие Кубертена». Он представил Кубертена немецким радиослушателям как поборника «Трудовой повинности» и авторитарного государства и прославлял его как борца, ничего не желавшего слышать о пацифизме¹⁸⁸. Напротив, в первом номере выходившего на трех языках журнала *Olympische Rundschau* (на немецком, французском, английском, а с 1942 года и на итальянском языках), который рассылался всем членам МОК бесплатно, был избран подчеркнуто мирный тон: «Осуществляемая нами в Международном олимпий-

¹⁸² См.: *Olympische Rundschau*, 1 (1938) 1, 1.

¹⁸³ См.: PA AA, Rom; KW 17: Ankauf der Statue des Diskuswerfers.

¹⁸⁴ Согласно рукописной пометке на заявке Имперского министерства финансов, 16.12.1937. См. прим. 176.

¹⁸⁵ См.: § 2 устава фонда. R 2 / 12 005.

¹⁸⁶ См.: Carl-Diem-Archiv; 5 / 147.

¹⁸⁷ См.: Diem C. Hans v. Tschammer u. Osten. In: OR 6 (1943) 21, 2.

¹⁸⁸ См.: Diem C. Das Erbe Coubertins. In: OF, I, 257–259, 25.

ском институте работа протекает в духе искреннего миролюбия, которое, как провозгласил наш фюрер и рейхсканцлер, рассматривается как политика немецкого народа»¹⁸⁹.

К этому моменту в Германии стрелки уже были переведены на войну и агрессию. Кубертен умер в Женеве 2 сентября 1937 года, смерть уберегла его от разочарованного осознания того, что он заблуждался и завещал свое наследие недостойным преемникам. Впоследствии «олимпийское воодушевление» партийных и государственных инстанций оказалось на поверку политическим расчетом, внешнеполитическим инструментом для достижения мирового господства.

Взгляд в будущее. Управляющий становится хозяином олимпийского наследия

В сентябре 1981 года в Баден-Бадене состоялся XI Олимпийский конгресс МОК. Его участники, собравшиеся в память о Пьере де Кубертене перед воздвигнутым уже в 1938 году бюстом умершего 44 года назад инициатора возрождения Олимпийских игр, который по ходатайству конгресса МОК отныне обрел «достойное» место, едва ли думали о том, какими двойственными, оппортунистическими мотивами было пронизано немецкое почитание Кубертена в то время.

Организатором немецко-французской культурной конференции в Баден-Бадене (1938), на которой среди прочих сделали доклады Дим, Л. Рифеншталь и французский член МОКа де Полиньяк, был Отто Абец, молодой референт по Франции в канцелярии Риббентропа. Ему принадлежала спонтанная идея в знак немецко-французской дружбы почтить память француза Кубертена, воздвигнув ему бюст. Позднее, в 1940–1944 годах, Абец был послом в оккупированном Париже¹⁹⁰. Там в октябре 1940 года он получил письмо от Дима (ставшего уполномоченным руководителем иностранного отдела NSRL), в котором Дим возвестил о введении Третьим рейхом «нового порядка в международном спорте»:

Мы подготавливаем новый порядок в международном спорте и при этом, разумеется, позаботимся о том, чтобы существовавшее до сих пор несправедливое в спортивном отношении господство Франции в руководстве международным спортом было сведено к правильной пропорции. В качестве документов для этого мероприятия нам требуются сведения о двух французских спортивных чиновниках... Как утверждают

¹⁸⁹ См.: OR I (1938) 1, 1.

¹⁹⁰ См.: Abetz O. Das offene Problem. Ein Rückblick auf zwei Jahrzehnte deutscher Frankreichpolitik. Köln 1951. S. 72f. Абец не производит впечатление специалиста, разбившегося в спорте. Так, он будто бы видел Кубертена на почетной трибуне берлинского Олимпийского стадиона (S. 72), которому он, кстати, приписал вместимость в 200 000 зрителей (S. 66).

наши друзья, венгерские стрелки, оба они — евреи, и мы были бы вам признательны, если бы вы отдали соответствующее распоряжение для выяснения этого¹⁹¹.

Сотрудники Гейдриха в Париже, к счастью, подтвердили «арийское» происхождение обоих «французских спортивных чиновников», что не помешало Диму и руководству NSRL продолжать работу над «единой направленностью спорта под немецким руководством»¹⁹²: «хранитель» олимпийского наследия стремился к господству.

В современной дискуссии о «философско-педагогических» основах олимпизма необходимо разобраться с феноменом «межкультурной толерантности (*Vielerträglichkeit*) и неспецифичности его высказываний», которые позволяют ему стать «толерантной системой ценностей»¹⁹³. С одной стороны, многозначность и неопределенность содержания олимпийской идеи обеспечивают ее всемирное распространение и международное признание, с другой же стороны, у разнородных политических систем и идеологий возникает соблазн использовать добытые из «каменоломни Олимпии» подходящие клише для похвалы себе как хранителям и защитникам наследия Кубертена. Ради обеспечения непрерывности олимпийского четырехгодичного цикла и международного состава участников Игр МОК толерантно относился и относился к политическому угнетению, расовой дискриминации и военной-политической экспансии со стороны стран — организаторов Игр¹⁹⁴. Видимо, нелегко будет подыскать понятное «философско-педагогическое» обоснование дискредитированной с 1972 года олимпийской максимы *the games must go on*¹⁹⁵.

¹⁹¹ См. письмо Дима Абецу, 17.10.1940. PA AA; Ref. Partei, Sportwesen, Deutschland Bd. 5.

¹⁹² См. телеграмму Министерства иностранных дел германскому посольству в Берне, 14.07.1942. PA AA Ges. Bern, Sportwesen in Deutschland.

¹⁹³ См.: Daume W. *Modernität und Olympische Idee. Vortrag auf einer Veranstaltung der DOG, Bezirksamt Bonn, am 17.01.1980 in Bonn.* Цитата из доклада приводится в нашей записи.

¹⁹⁴ Статуты МОК хотя и предусматривают, что Игры должны проводиться силами «города, а не страны» (§ 4), однако в действительности решающую роль играет государственная поддержка при раздаче госзаказов и проведении Игр. Ярким примером политической близорукости МОК может послужить предоставление права на проведение зимних Игр 1940 года Гармиш-Партенкирхену в июне 1939 года, то есть в момент, когда ноябрьский погром 1938 года и захват Чехословацкой Республики германскими войсками в марте 1939 года уже встревожили мировую общественность, и уже нельзя было скрыть преступный характер основанного на насилии национал-социалистического господства и экспансионистские цели германской внешней политики. Имевшее место в Баден-Бадене предоставление права на проведение Игр 1988 года в Сеуле подтверждает упрек в политической близорукости.

¹⁹⁵ «Игры должны продолжаться» (*англ.*). Имеется в виду решение продолжать летние Олимпийские игры 1972 года, несмотря на террористический акт в отношении израильской команды. — *Прим. пер.*

Приложение

Письмо Кубертена Гитлеру, 17 марта 1937 года

Расшифровка рукописного оригинала автором данной статьи (BA R 43 II/769)

Excellence

J'ai été profondément touché de la demarche que M. le Ministre d'Etat H. Esser a faite près de moi au nom et de la part de Votre Excellence et je m'empresse d'en exprimer ma gratitude. Par là et de la façon la plus delicate l'Allemagne se trouve associée à mon année jubilaire inaugurée à Lausanne, à l'Université, le 20 Janvier dernier et à l'occasion de laquelle j'ai été invité à reunir les travaux accomplis depuis cinquante ans et qui tous, d'une manière ou d'une autre, se referent à la réforme et au perfectionnement de l'éducation. Dans cette oeuvre l'Allemagne a maintes fois temoigné sa sympathie et je lui en ai la plus vivre reconnaissance. Sitôt qu'avec le printemps ma santé rétablie le permettra, j'envisagerai le moyen de profiter de la si gracieuse invitation qui m'a été transmise au nom de Votre Excellence et qui ajoute ainsi un nouveau temoignage de bienveillance à ceux que j'en ai déjà recueilles.

Je prie Votre Excellence de bien vouloir agréer l'hommage de mon respectueux et profond devouement

Genève, 17 Mars 1937

Pierre de Coubertin

Ваше Превосходительство!

Я глубоко тронут визитом, который нанес мне господин государственный министр Г. Эссер от Вашего имени и по Вашему поручению, Ваше Превосходительство, и спешу выразить мою благодарность. В результате этого — причем самым деликатным образом — Германия окажется связанной с моим юбилейным годом, который был торжественно открыт в университете Лозанны 20 января сего года, и по этому поводу мне было предложено собрать мои завершенные за 50 лет труды, все они тем или иным образом относятся к реформе и совершенствованию системы воспитания. Германия не раз выказывала симпатию к этой моей деятельности, и я ей за это горячо благодарен.

Если весной здоровье мне позволит, я буду иметь возможность воспользоваться столь любезным приглашением, которое было передано мне от Вашего, Ваше Превосходительство, имени и которое служит новым доказательством благожелательства, свидетельства коего я уже получал.

Примите, Ваше Превосходительство, это письмо в знак моего глубочайшего почтения.

Женева, 17 марта 1937 г.

Пьер де Кубертен

Перевод с немецкого Алексея Григорьева

Список источников

Bundesarchiv Koblenz (BA):

R 2 Reichsministerium der Finanzen: 12 005.

R 18 Reichsministerium des Innern: 5609, 5611, 5613.

R 34 DNB-Sportdienst: 45.

R 36 Deutscher Gemeindetag: 2080.

Rk 43 II Reichskanzlei: 473, 730, 769, 1149.

R 55 Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda (RMfVuP): 961, 1054.

R 78 Reichsrundfunkgesellschaft (RRG): 674.

ZSg 110 Sammlung Traub – расшифровки «доверительной информации» на пресс-конференции Имперского министерства народного просвещения и пропаганды.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn (PA AA):

Referat Deutschland: Akt. betr. Olympiade, Az. 86–26, Bd. 1, 10.

Referat Deutschland: Akt. betr. Olympiade, Boykott, Bd. 1, 3.

Referat Deutschland: Akt. betr. Olympiade, Beteiligung der Länder, Bd. 3.

Referat Deutschland: Akt. betr. Olympiade, Fair-Play.

Referat Partei: Sportwesen in Deutschland, Bd. 5.

Gesandtschaft Bern: D Kult 12 No. 5, Sportwesen in Deutschland.

Gesandtschaft Bern: Ku XIII 17b. Olympiade 1936, Bd. 1.

Gesandtschaft Bern: Ku XIII 17b. Olympiade 1936, Bd. 2.

Botschaft Rom: Kw 20 c 1, XI Olympiade.

Botschaft Rom: Kw 17, Ankauf der Statue des Diskuswerfers [Закупка статуи «Дискобол»].